

65.3/2/722
Д 56 - 103

Очерки
Воспоминания

ДОБРО ★
ВОЛЬЦЫ
УРАЛА

Очерки
Воспоминания

Очерки
Воспоминания

КЛЯТВА

бойцов, командиров и политработников
Уральского добровольческого танкового корпуса

Уральцы, родные наши!

Нам, сынам своим, поручаете вы защиту Советской Родины, свободы и независимости Отечества.

Столетиями ковалась воинская слава Урала. В Полтавской битве за Петром шли отважные наши предки. Они переходили с Суворовым неприступные Альпы. Знамена екатеринбургского и пермского полков развевались на полях битв с Наполеоном. Не жалея крови и жизни своей, отцы наши отстаивали молодую Советскую власть. Стойкими, верными сынами Отчизны показали себя уральцы в дни смертельной схватки с немецкими захватчиками. И теперь, в решающий момент Великой Отечественной войны против самого сильного и самого коварного врага, седой Урал снова благославляет сынов своих — добровольцев на ратные подвиги.

Товарищи уральцы!

Вы доверили нам повести грозные боевые машины на врага. Вы создавали их, недосыпая ночей, напрягая всю волю и силы свои. В броне наших танков, в наших пушках и автоматах ваша мысль и энергия, ваша неукротимая ненависть к детоубийцам, ваша всепобеждающая страсть и уверенность в победе. На заводах, на фабриках и в колхозах мы, как знамя, несли трудовую клятву уральцев. Теперь, находясь в рядах Красной Армии, мы произносим слова боевой клятвы на верность Родине.

КЛЯНЕМСЯ!

Быть образцом воинской дисциплины. Свято соблюдать порядок и организованность. В совершенстве овладеть боевой техникой.

Мы не дрогнем в боях за нашу святую землю. Не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от захватчиков.

КЛЯНЕМСЯ!

Отомстить врагу за разрушенные города и села, фабрики и колхозы, за пытки и слезы стариков и детей, сестер и матерей.

Мы ничего не забудем, ничего не простим фашистским варварам.

КЛЯНЕМСЯ!

В решающих боях с ненавистным врагом быть в первых рядах защитников Родины, мы не опозорим вековую славу уральцев. Мы выполним ваш наказ и вернемся на родной Урал только с Победой.

35

-ЛЕТИЮ

ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

УРАЛЬСКО-ЛЬВОВСКИЙ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ ТАНКОВЫЙ КОРПУС
ПРОШЕЛ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПУТЬ СРАЖЕНИЙ
ОТ ОРЛА ДО БЕРЛИНА И ПРАГИ. ЗА ОБРАЗЦОВОЕ
ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ КОМАНДОВАНИЯ ОН БЫЛ УДОСТОЕН
ЗВАНИЯ ГВАРДЕЙСКОГО, ОРДЕНОВ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ,
СУВОРОВА И КУТУЗОВА.

АВТОРЫ ЭТОЙ КНИГИ — УЧАСТНИКИ БОЕВ КОРПУСА
РАССКАЗЫВАЮТ О МУЖЕСТВЕ И ДОБЛЕСТИ
ОДНОПОЛЧАН НА ФРОНТЕ, О ТРУДОВЫХ
ПОДВИГАХ ВЕТЕРАНОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ
ГОДЫ И ДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКАХ БОЕВОЙ
СЛАВЫ УРАЛЬЦЕВ — НЫНЕШНИХ
ГВАРДЕЙЦАХ УРАЛЬСКО-ЛЬВОВСКОЙ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ТАНКОВОЙ
ДИВИЗИИ.

Второе
дополненное
издание

к 63.3/2/722
Д,56-3

Очерки
Воспоминания

ДОБРО ★ ВОЛЬЦЫ УРАЛА

Очерки
Воспоминания

Очерки
Воспоминания

⊕ 5810

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1980

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

1

32С2
Д56

Общественная редколлегия
совета ветеранов Уральского
добровольческого танкового корпуса:

В. С. Вайнер, А. В. Волковинский, П. П. Логинов,
И. З. Калинин, В. К. Очеретин, Я. Л. Резник,
В. Я. Фирсов, И. П. Чепурышкин.

Сборник составил и литературно обработал
Яков Резник.

Д 11302—014
М158(03)—80

Это было в Кремлевском Дворце съездов на торжественном вечере, посвященном 50-летию Советских Вооруженных Сил. В величественный зал внесли семь боевых знамен — священные реликвии Родины и народа. Среди них было знамя нашего гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса. За что нам выпала такая честь!

Очевидно, за то, что в самом рождении корпуса, в его славных ратных делах особенно ярко проявилось могучее и святое единство Советской Армии и нашего героического народа.

Идея создания крупного танкового соединения добровольцев возникла в заводских коллективах уральских танкостроителей и подхвачена всем рабочим классом Урала в дни, когда наша страна находилась под впечатлением победоносно завершившегося Сталинградского сражения.

Уральцы, производившие в то время основную массу танков и самоходных орудий, законно гордились победой на Волге, где бронетанковые войска проявили неодолимую ударную силу. Всем стало ясно: от количества наших великокопеечных боевых машин, сведенных в крупные танковые соединения, во многом зависят успех предстоящих сражений, окончательная победа над врагом. И, продолжая с величайшим энтузиазмом трудиться для фронта, рабочие опорного края державы решили сделать фронтовикам еще один уникальный подарок — добровольческий танковый корпус, снабдив его всем необходимым для боя за счет безвозмездного труда во внеурочное время.

16 января 1943 года в газете «Уральский рабочий» появилась заметка «Танковый корпус сверх плана». В ней говорилось об обязательстве крупнейших коллективов танкостроителей Урала изготовить в первом квартале сверх плана столько танков и самоходных орудий, сколько требуется на корпус, одновременно обучив из своих же рабочих-добровольцев водителей машин. В цехах заводов родился лозунг: «Сделаем сверхплановые танки и самоходки и поведем их в бой».

Народную инициативу подхватили Свердловский, Челябинский и Пермский областные комитеты партии. Они обратились в Центральный Комитет с просьбой разрешить сформировать и направить на фронт Уральский добровольческий танковый корпус. Москва ответила: «Приветствуем и одобряем». И хлынул поток заявлений! За одну неделю их поступило свыше ста тысяч — в двенадцать раз больше, чем требовалось корпусу солдат и сержантов!

И какие это были люди!

Добровольцы представляли лучшую часть коллективов трудящихся, среди них было много квалифицированных рабочих, специалистов, командиров производства, активных коммунистов и комсомольцев. Всех добровольцев отпустить на фронт было невозможно, так как это нанесло бы ущерб производству, выполнению заказов фронта. Парткомы, завкомы, специальные комиссии нередко отбирали по одному из 15—20 достойных кандидатов с условием, чтобы коллектив рекомендовал, кем заменить уходящего на фронт. Отобранные кандидаты рассматривались и утверждались на рабочих собраниях.

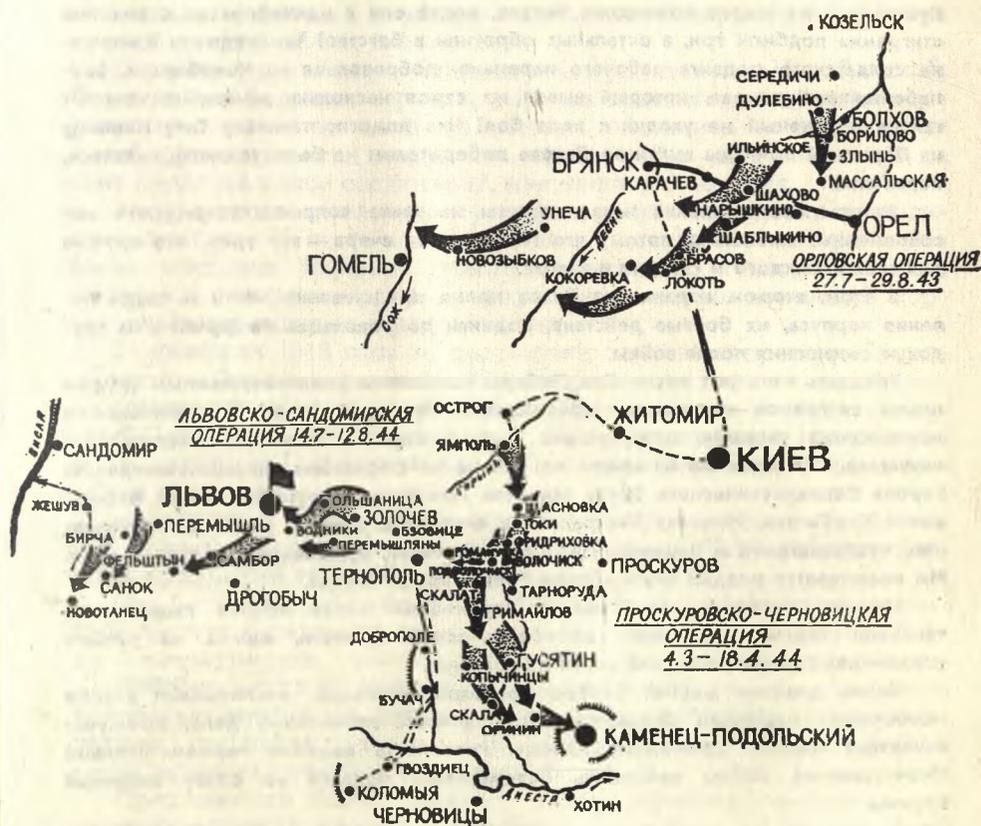
Так, из 10 222 тагильчан, которые подали заявления с просьбой зачислить их в корпус, по рекомендациям партийных и общественных организаций, рабочих собраний в части корпуса было направлено немногим более 600 человек.

Уральцы вручили сынам и дочерям — добровольцам свой Наказ.

На торжественных проводах на фронт, преклонив колено перед знаменами своих частей, добровольцы дали клятву:

Боевой путь
10-го гвардейского Уральско-Львовского
Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова
добровольческого танкового корпуса

«Не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от захватчиков...»

Более двух тысяч километров прошел с боями Уральский танковый, и каждый бой от Орла и до Праги подтверждал: добровольцы свято выполняют клятву уральцам, свою присягу на верность Родине.

Первый салют Москвы в дни войны, 5 августа 1943 года, и последний ее салют, 9 мая 1945 года, были и в честь воинов Уральского добровольческого танкового корпуса. 27 раз за два года салютовала столица добровольцам-танкистам.

Об их ратных подвигах повествует эта книга.

Ветераны корпуса не ограничили себя описанием боевых эпизодов, они попытались объяснить поступки героев.

Что руководило добровольцами, по зову сердца ушедшими на фронт! Что питало мужество экипажа добровольцев-свердловчан Курбатова, Овчинникова, Бухалова и их юного командира Чесака, когда они в единоборстве с девятью «тиграми» подбили три, а остальных обратили в бегство! Что подняло к вершине солдатского подвига рабочего паренька, добровольца из Челябинска, бронейщика Худякова, который вывел из строя несколько немецких тяжелых танков и раненый не уходил с поля боя! Что помогло танкисту Титу Кононцу из Пермской бригады выйти во Львове победителем из безвыходного, казалось, положения!

Авторы воспоминаний искали ответы на такие вопросы, потому что они современны, жизненны, потому что героическое вчера — это урок, это оружие для всех и каждого и сегодня и завтра.

В этом, втором издании наиболее полно представлены части и подразделения корпуса, их боевые действия, подвиги добровольцев на фронте, их трудовые свершения после войны.

Тридцать пять лет после Дня Победы наполнены самоотверженным трудом наших ветеранов — новаторов промышленности, правобланговых земледелия, неугомонных творцов, штурмующих высоты науки и техники, литературы и искусства. С гордостью называем мы имена не стареющих сердцем ветеранов: Героев Социалистического Труда Михаила Никитича Вешкурцева, Ивана Васильевича Пробитого, Николая Парфеновича Федотова, ученых, рабочих, колхозников, изобретателей и рационализаторов, писателей, художников, деятелей кино. Им посвящается раздел книги «Герои боев — герои труда».

Читатель познакомится с новыми страницами жизни воинов гвардейской танковой Уральско-Львовской добровольческой дивизии, одним из лучших соединений Группы советских войск в Германии.

Воины дивизии множат боевые традиции уральцев, воспитывают в себе необоримое мужество, беззаветную преданность ленинскому делу, Коммунистической партии, советскому народу, готовность подобно героям Великой Отечественной войны совершать бессмертные подвиги во славу любимой Родины.

Общественная редколлегия

Сердцем народа рожденный

Из беседы с Аверкием Борисовичем Аристовым — вторым секретарем Свердловского обкома партии в годы войны

Уральский добровольческий танковый корпус, его создание, формирование и оснащение — необыкновенно яркое проявление лучших черт советского народа. Воины корпуса выражали любовь к социалистической Отчизне по-особенному глубоко. Тысячи людей оспаривали друг перед другом право оставить дом, семью, тихое небо и пойти в самое пекло боя, из которого многим не суждено было возвратиться. Уральцы благословили их на этот шаг, создали для них во внеурочное время боевую технику, оружие, обмундирование, снаряжение.

В трех уральских областях — Свердловской, Челябинской, Пермской, в больших городах, рабочих поселках, селениях и деревушках — все, от мала до велика, оказались захваченными идеей сформировать, вооружить, одеть, обуть сверх плана и на свои средства такое соединение, как танковый корпус.

Затрудняюсь сказать, кому первому пришла мысль о создании корпуса. У этой идеи, наверное, множество авторов. Это было массовое желание уральцев принять непосредственное участие в разгроме врага. В этом смысле добровольческий корпус поистине рожден сердцем народа.

24 февраля 1943 года за подписями первого секретаря Свердловского обкома партии В. М. Андрианова, первого секретаря Челябинского обкома партии Н. С. Патоличева и первого секретаря Пермского обкома партии Н. И. Гусарова было направлено в ЦК партии и Государственный Комитет Обороны письмо, в котором говорилось:

«...Выражая благородное патриотическое желание уральцев, мы просим разрешить нам сформировать особый добровольческий Уральский танковый корпус...

Мы берем на себя обязательство отобрать в Уральский танковый корпус беззаветно преданных Родине лучших людей Урала — коммунистов, комсомольцев, беспартийных большевиков.

Добровольческий танковый корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, самолетами, орудиями, минометами, боеприпасами, — произведенной сверх производственной программы».

Предложение было принято. Обком образовал комиссию по формированию корпуса. Партийные комитеты на местах буквально захлестнул поток заявлений. Обком напомнил партийным комитетам: отбор вести так, чтобы не оголились производственные участки, чтобы заводы не остались без квалифицированных кадров, с таким трудом собранных и подготовленных в первые годы войны. И еще напомнил, что самая ближайшая задача — оснастить корпус. Мы ведь обещали ничем не обременить государство — дать все необходимое сверх планового выпуска продукции и заплатить за все из средств, добровольно собранных трудящимися Урала.

Незабываемая страница! За несколько недель в счет нашей комиссии по формированию корпуса поступило пятьдесят восемь миллионов рублей на технику, оружие, обмундирование для Свердловской бригады, на оснащение штаба и всех служб корпуса. А ведь деньги эти шли не от обеспеченных людей — люди недоедали, голодали, но отдавали для святого дела последние гроши.

Корпус формировался, оснащался, проходил боевую подготовку в невиданно короткие сроки. Потому что люди в нем были отборные — грамотные, технически подготовленные, хорошо понимавшие, на что они пошли и зачем. И почти все они были коммунистами и комсомольцами.

В 1970 году редакция журнала «Урал» поручила мне сделать литературную запись воспоминаний А. Б. Аристова о труде уральцев в годы Великой Отечественной войны.

Аверкий Борисович пригласил меня в Варшаву, где он тогда был полпредом Советского Союза. У нас с ним были обстоятельные беседы. В одной из них он рассказал о волнующих днях создания Уральского добровольческого танкового корпуса. Сокращенная запись той беседы приведена выше.

Журналист З. Янтовский

Детище Урала

ГЕОРГИЙ РОДИН

Генерал-лейтенант танковых войск Георгий Семенович Родин был первым командиром Уральского добровольческого танкового корпуса с момента его формирования до боев на Украине, в районе Фридриховка — Волочиск. В марте 1944 года был отозван в распоряжение командующего бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии.

После войны жил в Орле. Был удостоен звания почетного гражданина городов Волочиска и Подволочиска. Активно участвовал в работе по военно-патриотическому воспитанию трудящихся. Умер в 1975 году.

В первых числах марта 1943 года меня вызвал в Москву командующий бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии генерал-полковник танковых войск Я. Н. Федоренко. Командующий принял меня в своем рабочем кабинете.

— Прощу, прощущу. Заходите! Жду вас, — Федоренко шагнул из-за стола навстречу, крепко пожал руку и пытливо посмотрел на меня. — Как здоровье, самочувствие?

Он был осведомлен, что я перенес тяжелое ранение и недавно встал в строй.

— Спасибо. Вполне здоров, — ответил я.

Разговор зашел о применении танковых соединений в тех операциях, в которых мне довелось участвовать, о наших успехах и неудачах, о том, что надо сделать, исходя из опыта, накопленного в боях с фашистами. Тут командующий сказал:

— Уральцы попросили Центральный Комитет партии и Го-

сударственный Комитет Обороны разрешить им на свои средства создать и полностью оснастить за счет сверхплановой продукции танковый корпус. Добровольческий. Подобного мир не видел... Просьба удовлетворена. Дана директива: корпус сформировать.

На минуту командующий умолк, видимо, давал мне возможность оценить эту замечательную инициативу. Вдруг он спросил:

— Как вы отнесетесь, если вас назначат командовать этим корпусом?

Вопрос застал меня врасплох. Я, признаться, готовил себя к тому, чтобы ехать не на восток, а на запад — опять на фронт.

— Вижу, возражать не будете?..

— У меня нет другой цели в жизни, как честно служить партии и народу, — сказал я.

— Приказ о вашем назначении будет через два-три дня. Но начинать работу надо сегодня же. Да, сегодня, — повторил командующий, посмотрев на часы. Шел первый час ночи...

Вскоре я получил предписание и выехал на Урал.

Да, уральцы были щедры для родной Красной Армии, для своего танкового корпуса!

Трудящиеся Свердловской области сформировали танковую и мотострелковую бригады, самоходный артиллерийский полк, минометный дивизион, батальон связи и мотоциклетный батальон; пермяки — танковую бригаду, минометный полк, автороту; челябинцы — танковую бригаду, противотанковый истребительный полк, батальоны броневедомостей и саперный.

Всеми вопросами этой исключительно сложной и многогранной работы занимались областные комитеты партии. Во всех городах и районах развернули свою деятельность комиссии по отбору добровольцев.

Одно из главных условий зачисления в добровольцы — подготовить на свое рабочее место надежную замену. Нельзя было оголять производство. На место добровольца нередко становились его младший брат или сестра, жена, даже мать.

Я помню, как одна уже немолодая женщина добивалась права занять место сына у станка.

— У вас слабое здоровье. Вам будет тяжело, — внушали ей, но она была непреклонна.

— А кому теперь легко? У меня на фронте муж и два сына. И третий сын просится к ним день и ночь. Я его сменю.

Создание корпуса вызвало огромный патриотический подъем. Он выразился не только в том, что число добровольцев в несколько раз превысило требуемое количество людей, но и в том, что на предприятиях с небывалой силой вспыхнуло соревнование за выпуск сверхплановой продукции.

Трудовое соревнование за оснащение корпуса вооружением вылилось в форму выполнения боевых заданий. Только на заводах Перми командование корпуса дало свыше четырехсот заданий, и все они были выполнены с честью.

К концу апреля танкисты были полностью обмундированы и оснащены вооружением. В историческом формуляре корпуса имеется лаконичная запись о том, что все, начиная с пуговицы на гимнастерке до танков, трудящиеся Урала приобрели на свои

личные сбережения и средства, заработанные во внеурочное время.

Плановая боевая учеба началась сразу по прибытии первых добровольцев. Много времени отводилось огневой и тактической подготовке в условиях, максимально приближенных к боевым.

Целеустремленно действовали политотдел корпуса, политотделы и политработники частей и подразделений.

Между тем время, отведенное нам на подготовку, подходило к концу. Уральцы дали нам свои Наказы. Они вручались в торжественной обстановке каждой части, каждому подразделению вместе с шефскими Красными знаменами.

Добровольцы ответили трудящимся клятвой.

В конце июля 1943 года 30-й Уральский добровольческий танковый корпус в составе 4-й танковой армии сосредоточился в районе Козельска. Пришло время боевого крещения уральских добровольцев.

Не дрогнем...

ВАСИЛИЙ ФИРСОВ

Коренной уралец Василий Яковлевич Фирсов прибыл в Свердловскую танковую бригаду, имея за плечами множество боев, три ранения.

В тяжелейших для корпуса боях Фирсов проявил себя храбрым и умелым офицером. Но четвертое ранение вывело его из строя.

После войны Василий Яковлевич 6 лет работал директором золотого прииска на Урале, потом, окончив горный институт, главным инженером проекта Унипромеда в Свердловске.

За подвиги на фронте был удостоен ордена Красного Знамени и медалей, за работу на Урале после войны — ордена «Знак Почета».

Сейчас на пенсии. Является председателем совета ветеранов корпуса.

На встречах с молодежью, со школьниками меня часто спрашивают, что мне больше всего запомнилось из жизни Уральского добровольческого танкового корпуса.

Я отвечаю — организация его и первый бой на орловской земле.

Создание корпуса взволновало уральцев. На предприятиях с новой силой вспыхнуло соревнование за выпуск сверхплановой продукции, развернулся сбор денежных средств в фонд добровольческого корпуса. Даже школьники внесли свою лепту: собирали металлолом на танки, отдавали в фонд обороны деньги, заработанные после учебы.

Весной формирование батальона было закончено. Добровольцам — основная их масса не проходила военного обучения — надо было в очень короткий срок познать оружие, научиться метко стрелять, преодолевать препятствия, действовать отделением, взводом, ротой, вести бой во взаимодействии с танками, артиллерией. Надо было привыкнуть держаться на броне быстро

идущих танков, укрываться от огня противника за башней, соскакивать с танка на полном ходу и сразу же бросаться в атаку.

Занимались по 12—14 часов в сутки. Отдыхали только во время короткого сна. Командиры готовились к занятиям ночью. Боевая подготовка проводилась на танкодроме, стрельбище в условиях, близких к фронтовым. И добровольцы быстро становились настоящими воинами. Лучшим подразделением в батальоне стала рота автоматчиков лейтенанта Александра Петровича Николаева — ныне Героя Советского Союза, слесаря-сборщика ткацкого комбината.

В расположение бригады часто приходили делегации районов, предприятий, друзья и родственники добровольцев, вручали им подарки, письма, наказы.

Однажды пожилая женщина принесла носовые платки, кисеты, махорку, пироги и сказала:

— Нелегко матерям расставаться с сыновьями, но женщины, которые сшили платки и кисеты, испекли пироги, просили сказать: «Идите, сыны наши, в бой, бейте врага!»

Время, отведенное нам на подготовку, подошло к концу. Расставание с родным краем, с дорогими земляками запомнилось на всю жизнь. Воины Свердловской танковой бригады пришли в оперный театр. Мы — в партере, а в ложах, бельэтаже — представители заводов и колхозов Свердловска и области. Там мы получили Наказ уральцев. Там командир корпуса, генерал Родин, преклонив колено, принял Красное знамя, с которым нам предстояло пойти в бой, и воины-добровольцы повторяли вслед за ним клятву землякам:

— Клянемся! Мы не дрогнем в боях...

Провожать нас, уезжающих на фронт, пришли тысячи свердловчан, пришли руководители области, командование.

Как начальник эшелона я доложил секретарю обкома, генералу Родину и Каткову о готовности эшелона к отправке.

Добровольцы запели только что разученную песню:

В грозной битве
победим мы,
Снова встретимся
с тобой..

Подаю команду «По вагонам!».

Последние объятия, поцелуи.

27 июля 1943 года части корпуса вышли на рубеж реки Орс. Заболоченная пойма реки, илистое дно и крутой южный берег оказались неприступными для танков. Попытка танкистов преодолеть водную преграду с ходу не удалась.

Батальону автоматчиков была поставлена задача: форсировать реку Орс, захватить деревню Бессоновку и обеспечить наведение переправ для прохода танков.

В ночь с 27 на 28 июля мы провели разведку переднего края обороны противника. Она оказалась глубоко эшелонированной: берег реки был заминирован, в огородах деревни — окопы, соединенные ходами сообщений, среди надворных построек искусно заминированные доты, в глубине деревни в районе церкви сосредоточены новые гитлеровские танки — «тигры» и «пантеры».

Ночью отдельные группы автоматчиков переправились на

вражеский берег и сделали несколько проходов в минных полях, а отделение под командованием старшего сержанта Компанейца, добровольца из Каменска-Уральского, ворвалось в боевые порядки гитлеровцев, уничтожило пулемет, двух снайперов и заняло круговую оборону. Всю ночь наши автоматчики отбивались от вражеских солдат, часто пуская в ход гранаты и черные ножи — подарок златоустовских рабочих.

Утром 28 июля после короткой артиллерийской подготовки батальон попытался форсировать реку, но лишь отдельным группам добровольцев удалось проникнуть на противоположный берег и закрепиться там.

Только во второй половине дня после мощного артиллерийского налета добровольцы с криком «Ура!» дружно бросились к реке, форсировали ее, ворвались в деревню Бессоновку.

Гитлеровцы бежали, оставив на поле боя много оружия.

НАКАЗ

бойцам, командирам и политработникам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся Урала

Родные наши сыны и братья, отцы и мужья!

Истари повелось у нас: провозжая на ратные дела своих сынов, уральцы давали им свой народный наказ.

Провожая и благословляя вас на битву с лютым врагом нашей советской Родины, хотим и мы напутствовать вас своим наказом. Примите его как боевое знамя и с честью пронесите сквозь огонь суровых битв, как волю людей родного Урала.

В решающий момент Великой Отечественной войны выходите вы на смертный бой за честь, свободу и счастье Родины.

С каждым днем все сильнее разгораются бои с ненавистными немецко-фашистскими захватчиками. И еще немало сражений услышит и увидит родная наша Земля.

Мы наказываем вам:

Полностью используйте высокую маневренность ваших замечательных машин. Станьте мастерами танковых ударов.

Овладевайте тактикой ведения боя, блестящим образцом которой является сражение у стен Сталинграда, принесшее историческую победу Красной Армии.

Любите свои машины, ухаживайте за ними, чтобы они всегда безотказно служили вам в бою.

Показывайте образцы высокой воинской дисциплины, стойкости, организованности.

Вперед на Запад! Туда глядите, туда стремитесь, позади вас все хорошо будет. Пусть не берет за сердце беспокойство за семью, завод, шахту, колхоз.

Даем вам слово крепкое, как гранит наших гор, что мы, оставшиеся здесь, будем достойны ваших боевых дел на фронте. Еще ярче вспыхнет слава нашего края, слава наших дел. Будет снарядов и пуль и всякого оружия у вас достаточно.

Все пошлем, все доставим родным советским воинам. На переднем крае, в дыму сражений почувствуйте рядом с собой весь Урал — огромный военный арсенал Родины, кузницу грозного оружия.

Бойцы и командиры Уральского добровольческого танкового корпуса!

На свои средства снарядили мы добровольческий танковый корпус. Своими руками любовно и заботливо ковали мы для вас оружие. Дни и ночи работали мы над ним. В этом оружии — наши заветные и горячие думы о светлом часе нашей полной Победы; в нем — наша твердая, как Урал-Камень, воля: сокрушить и истребить фашистского зверя. В горячие бои несите с собой эту нашу волю.

Помните наш наказ. В нем — наша родительская любовь и суровый приказ, супружеское напутствие и наша клятва.

Не забывайте: вы и ваши машины — это частица нас самих, это — наша кровь, наша старинная уральская добрая слава, наш огненный гнев к врагу. Смело ведите стальную лавину танков. Вас ждут подвиги и слава.

Мы уверены: лютый враг будет повержен в прах. И тогда пуще прежнего зацветет, закрасуется родная земля, счастливо заживут все советские люди.

Ждем вас с победой! И тогда крепко и любовно обнимет вас Урал и прославит в веках героических сынов своих. Земля наша, свободная и гордая, сложит о героях Великой Отечественной войны чудесные песни.

Запишите меня...

ПАВЕЛ УСТЮГОВ

Павел Афанасьевич Устюгов девятнадцатилетним вступил в Уральский добровольческий танковый корпус, был он на фронте и санитаром, и автоматчиком, и разведчиком, и связистом. Вернувшись после победы на родной Урал, Павел Афанасьевич без отрыва от производства окончил вечернее отделение политехнического института, занимался в заочной аспирантуре, стал кандидатом технических наук.

В настоящее время он является старшим научным сотрудником НИИтяжмаша Уралмашзавода. Результаты исследований Павла Афанасьевича Устюгова в области усовершенствования технологии изготовления немагнитных бандажных колец для турбогенераторов большой мощности успешно внедряются в производство.

Зимой сорок второго года каменск-уральские школы наполовину опустели: многие старшеклассники ушли на заводы. Заканчивалась перестройка промышленности на военный лад, и рабо-

чих не хватало. Бывшие школьники быстро осваивали специальности фрезеровщиков, слесарей, литейщиков. Я стал токарем.

Одиннадцать часов у станка, а после смены — военная подготовка. Хотелось на фронт, но в военкомате говорили: «Подождите».

И дождались. 25 февраля 1943 года на заводском митинге мы узнали о том, что рабочий класс Урала создает добровольческий танковый корпус. Что тут началось! Мы осаждали комитет ВЛКСМ и партком: «Запишите меня!» На столах у секретарей лежали груды заявлений. Каждый доказывал, что именно ему по всем статьям необходимо отдать предпочтение.

Две недели в мучительном ожидании: возьмут — не возьмут? Мы знали, что отбирают лучших — ударников, коммунистов, комсомольцев. Пока у корпуса не было официального наименования, его так и называли — «коммунистический».

С завода отобрали двадцать пять человек — среди счастливых оказался и я, а также мои друзья Саша Базуев, Виктор Кобяков, Иван Зуев. Город торжественно провожал добровольцев. На вокзал пришли сотни людей — пожелать нам возвращения с победой.

Прибыли на пункт формирования мотострелковой бригады. Тут выяснилось, что нас хотят зачислить в медсанзвод. Сначала это нам не понравилось. Нам показалось, что санитар — боец последнего сорта. «Зря это вы, — сказал фельдшер Сергей Дмитриевич Градусов, — очень трудно санитару в боевых условиях». Ему мы поверили: на его груди была медаль «За отвагу».

Начались занятия. Нужно было в короткий срок овладеть военной специальностью. Бойцы из медсанзвода проходили практику в госпитале, осваивали азы медицины. Нас торопил фронт.

27 июля корпус получил боевое крещение. Через несколько часов я уже перевязывал своего первого раненого — им оказался Иван Зуев.

Дни и ночи сливались в один сплошной бой. Я видел его иначе, чем другие, — мне не пришлось поначалу штурмовать немецкие укрепления. Но о мужестве бойцов мог судить уже по тому, как они держались, получив ранения. Подойдешь к солдату, а он, окровавленный, посылает в соседнюю воронку: мол, там товарищу еще хуже.

Вскоре меня перевели в разведку. Первое задание — выявить огневые точки противника. Поползли вшестером. Открыли огонь. Немцы ответили, а наши танкисты засекли и уничтожили тем временем их доты, дзоты и пушки.

С заданием мы справились.

Северо-
западнее
Орла

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

5810

Начатая немецко-фашистским командованием 5 июля 1943 года операция «Цитадель», преследовавшая цель окружить и уничтожить советские войска под Курском, в течение одной недели потерпела полный крах. Советская Армия перешла в контрнаступление.

Гитлеровцы на Орловском выступе создали развитую, глубоко эшелонированную оборону, систему опорных пунктов и мощных узлов сопротивления. Открытая, сильно пересеченная местность способствовала противотанковой обороне противника, созданию рубежей обороны по рекам Орс, Нугрь, Моховица, Орлица, Лубна. Прошедшие перед началом нашего наступления дожди сделали местность труднодоступной для танков и автомашин.

Непосредственно перед фронтом корпуса противник имел не менее ста орудий, 75 танков, до 20 самоходных установок, шестиствольные минометы и до пяти тысяч солдат пехоты. Здесь оборонялись части 25-й моторизованной и 18-й танковой дивизий, гренадерский полк танковой дивизии «Великая Германия». Их действия поддерживались массированными ударами авиации.

**Орловская операция
(1-й этап. Середичи-Злынь)**

27 июля был получен боевой приказ. Уральский добровольческий танковый корпус вступил в свой первый бой в составе 4-й танковой армии, которая наступала на Болхов, а затем нанесла удар на Хотынец, Карачев.

Корпус имел задачу: наступая из района Середичи (южнее г. Козельска) на юг, перерезать коммуникацию противника Болхов-Хотынец и выйти в район с. Злынь, а в дальнейшем оседлать железную и шоссеиную дороги Орел — Брянск и отрезать пути отхода орловской группировки гитлеровцев на запад.

Части корпуса к исходу дня пробились к реке Орс. Здесь противник взорвал мосты. Заболоченная в результате прошедших дождей пойма, илистое дно, крутой южный берег стали неприступными для танков.

Первым подошел к реке батальон автоматчиков Свердловской бригады под командованием капитана В. Я. Фирсова. Он был встречен шквальным огнем противника и понес большие потери. В это время на правом фланге корпуса Пермская танковая бригада с самоходно-артиллерийским полком атаковала противника. Батальоны капитана Андреева и майора Чижова с ходу форсировали реку Орс в районе деревень Рылово и Коноплянка.

После артиллерийской и авиационной подготовки и залпа «катуш» бойцы мотострелковой и Свердловской танковой бригад, поддержанные огнем самоходных установок, начали атаку. Под непрерывающимся массированным огнем врага автоматчики лейтенанта Литвиненко со взводом противотанковых ружей переправились через реку Орс и закрепились на северо-западной окраине Дулебино. Противник заградительным огнем артиллерии и минометов отрезал их от остальных частей и прижал к реке. Несмотря на это, отдельные группы автоматчиков закрепились на противоположном берегу. После вторичной артподготовки батальон капитана Фирсова при поддержке огня своей бригады форсировал реку. Одновременно мотострелки батальона старшего лейтенанта Костырева в сопровождении танков Свердловской бригады форсировали реку и после ожесточенной схватки выбили противника из Дулебино.

Саперы навели переправы, и к исходу 28 июля Пермская, Свердловская танковые и мотострелковые бригады захватили южный берег, освободив населенные пункты Струково, Орсовский. Первым переправился на противоположный берег танковый взвод лейтенанта Дикого из Свердловской бригады.

Утром 30 июля Свердловская бригада с самоходно-артиллерийским полком форсировали реку Нугрь и овладели селом Борилово.

Южнее Борилово, у высоты «212,2», развернулись ожесточенные танковые бои. Здесь командир корпуса ввел в бой Челябинскую танковую бригаду. 2 августа корпус овладел селом Злынь и вышел к рубежу противника в районе Массальская.

Действия Уральского танкового корпуса вместе с другими соединениями фронта создавали угрозу окружения орловской группировки противника.

Первый салют Родины 5 августа 1943 года — салют доблестным войскам за освобождение Орла и Белгорода — был и в честь уральских добровольцев.

Мы сделали танки и повели их в бой!

ИВАН РАМЕНСКИЙ

Шлем танкиста Иван Сергеевич Раменский надел задолго до войны, еще когда служил на Дальнем Востоке. Участвовал в советско-финской войне, а в Великую Отечественную он уходит на фронт добровольцем с Уральским танковым корпусом. В семье танкистов Свердловской бригады было немало мастеров вождения, и коммунист Раменский — один из лучших. Был награжден орденами Красного Знамени, Славы двух степеней, Отечественной войны двух степеней и медалями.

Я коренной уралец. Люблю свой край, его людей за их верность традициям революции, за их легендарный подвиг в годы фашистского нашествия.

Да, легендарный!

С сорок второго по апрель сорок пятого года только один наш завод изготовил и отправил на фронт много тысяч «тридцатьчетверок». Целые развитые индустриальные государства не в состоянии были сделать за всю войну ни такого количества танков, ни сконструировать такую прекрасную по боевым достоинствам машину, как Т-34, которую мне посчастливилось вести в бой. И не только мне! Все «тридцатьчетверки» Уральского добровольческого корпуса, с какими мы начали сражения под Орлом, были изготовлены рабочими сверх государственной программы.

Еще скажу: не видел я за немалую свою жизнь, чтобы люди шли так на самое тяжелое, может быть, на смерть — ведь фронт есть фронт. «Мы сделали танки — мы их поведем в бой!» — заявили мои друзья — добровольцы корпуса.

И вот мы на фронте, северо-западнее Орла.

Корпусу пришлось таранить оборону противника, преодолевать крутые и глубокие овраги, заболоченные низины. Достаточно было танку застрять, как он тут же оказывался мишенью для пушек и авиации противника, для его новейших танков, шестиствольных минометов и противотанковых танкеток — торпед, которые он бросил против нас.

Первый же день боев (было это 27 июля 1943 года) оказался несчастливym для нашего экипажа.

Подойдя к деревне, которую было приказано взять нашей роте, мы попали под массированный артиллерийский огонь немцев. Загорелась одна машина, другая. Маневрируя, я стал обходить вражеские позиции с фланга, а командир башни между тем обстреливал немецкие пушки. И вдруг, точно неведомая сила, приподняла и бросила на землю наш танк. Мотор заглох. Я остался в машине один. Подался к пушке, отстреливался до вечера, пока не оживил мотор и не вывел машину с поля боя. Руки мои были избиты осколками. Хотели отправить в госпиталь, я воспротивился: «Тащите осколки тут да быстрее». Вытащили, перебинтовали руки, и я поспешил к машине. Наши верные друзья, танковые ремонтники, меня обрадовали — пока латали мои руки, они успели заделать боковую пробоину от прямого попадания артиллерийского снаряда.

А высоту «212,2» за деревней Борилово ветераны, пожалуй, никогда забыть не смогут.

Танки Свердловской бригады с десантом на броне были встречены сильным огнем. Пушки били в лоб, минометы с правого фланга отрезали наших автоматчиков от танков.

Машина лейтенанта Дикого, вырвавшись вперед, разворотила гусеницами два дзота, уничтожила противотанковую батарею и три миномета. Но и «тридцатьчетверка» получила несколько пробоин, лейтенанта ранило, еще один снаряд ранил башнера Типунова, вывел из строя орудие.

— Стрелять из обоих пулеметов,—приказал лейтенант.— Воронин, дави!

Механик Воронин помчал машину на вражеские окопы. Начал утюжить. Ранило и радиста-пулеметчика Докучаева. Машина загорелась. Воронин вылез под пули и снаряды, сбил огнетушителем пламя с машины и вывел ее в безопасное место.

В том бою под Борилово против батальона Иванова немцы бросили много техники и пехоты. Опытный водитель Шамшин непрерывно маневрировал, а башенный стрелок парторг танковой роты Алексей Литвяк успевал с коротких остановок и с ходу подавлять врага. Но вместо уничтоженных танков немцы подбрасывали новые и в еще большем количестве. Почти шесть часов атаковали они.

Танк комбата Иванова был выведен из строя, загорелась машина лейтенанта Тумашевского, подбили и танк командира роты лейтенанта Дудниченко. Отвести его Шамшин уже не мог. На беду кончились боеприпасы. И в это время в танк угодила второй немецкий снаряд, машина загорелась, в ней начали рваться пулеметные диски. Лейтенант Дудниченко приказал покинуть танк. Экипаж захватил с собой лобовой пулемет, четыре уцелевших к нему диска, ППШ, автоматные диски и — к полю высокой ржи. Вблизи авиационной воронки услышали стоны. Поползли на них и перетащили в воронку тяжелораненых Тумашевского и его башенного стрелка Большакова. До ржи оставалось метров тридцать, когда увидели подбитый танк комбата Иванова и ползущих к нему немцев.

— Литвяк, Козуб! — приказал Дудниченко башнеру и радисту-пулеметчику. — На выручку капитана! Наверно, ранен — найди! Почти сутки не подпускали немцев к авиационной воронке Шамшин и наши раненые автоматчики. Как Литвяк и Козуб обнаружили израненного комбата, как они дрались вместе с ним с врагами в неравном, последнем своем бою, этого никто рассказать не мог: останки героев-добровольцев Литвяка и Козуба, комбата Иванова были найдены во ржи.

В деревне Борилово есть могила павших уральских добровольцев, и на ней — скромный памятник. Недавно на Орловщину, на могилу, в которой похоронен и парторг роты тагильчанин Алексей Литвяк, приехал его брат, ветеран войны Василий Александрович со своим сыном Валерием, только что отслужившим свой солдатский срок в ракетных частях.

Отец и сын поклонились праху героев.

Таковыми были мои товарищи

КУЗЬМА ЛАНЧИКОВ

Токарь-универсал Уралмаша, доброволец Кузьма Александрович Ланчиков уже в орловских боях стал известен как мастер огня из танковой пушки. Он воевал до конца Великой Отечественной войны. За доблесть и мужество удостоен ордена Отечественной войны II степени, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и других. Почетный гражданин города Волочиска. Кузьма Александрович еще долго после войны продолжал трудиться на родном заводе. К. Ланчикову было присвоено почетное звание ветерана труда Уралмашзавода.

Среди добровольцев, что пошли с Уралмашзавода в Уральский танковый, были мастер коммунист Антон Огарок и два комсомольца: слесарь Геннадий Нестеров и работник ОТК Петр Трепачев. У последних имелся боевой опыт — воевали на Халхин-Голе против японских самураев, где Нестеров заслужил орден Красного Знамени.

Нам, танкистам Свердловской бригады, было приятно, что рядом с нами находятся такие боевые ребята. Они попросили дать им возможность воевать в одном экипаже.

Шел второй или третий день сражения под Орлом. Танк уралмашевцев прорвался первым через реку. За ним мчались в атаку остальные машины батальона. В это время командир танка Еременко был тяжело ранен. Командовать вынужден башнер коммунист Огарок. Продолжая наступать на врага, чтобы он не успел закрепиться на следующем рубеже, экипаж далеко оторвался от своего подразделения. Должно быть, противник воспользовался этим и сконцентрировал огонь на одном танке. Сперва сорвало гусеницу, потом загорелся бак с топливом. Уже пламя охватило танк, огонь подобрался к экипажу, а Огарок продолжал стрелять. Немцы окружили машину, предлагали сдаваться. Ребята горели, но отвечали огнем по врагу. Тогда приблизились «тигры». Снаряд за снарядом полетел в пылающую машину. Гитлеровцы настолько озверели, что продолжали стрелять даже по месту, где взорвалась вместе с героями «тридцатьчетверка».

...Мой товарищ по заводу, тоже токарь и доброволец Владимир Давыдкин, был в нашей бригаде командиром противотанкового орудия и комсоргом батареи. Смертельно раненный, он продолжал командовать расчетом, до последнего вздоха бил врага.

А любимец бригады лейтенант Владимир Зинченко? Не было боя, чтобы он не отличился.

Когда мы перерезали железную дорогу западнее станции Шахово, Володя Зинченко мчался в голове колонны как разведчик. Уничтожив противотанковую пушку и три вражеских дзота, танк все же получил ответный снаряд в борт и загорелся. Пришлось скрыться в овраге, чтобы сбить пламя и отремонтировать обгоревшую машину.

Вечером башнер Бадяев заметил приближающихся к оврагу немецких пехотинцев. Попасть, не видя цели, очень трудно, а

ремонт мотора не закончен — не выедешь. И все же огонь открыли. Солдаты противника скрылись в лощине, притихли. Так продолжалось всю ночь: только они зашумят — башнер Бадяев посылает снаряд. К утру механик Герцик привел машину в порядок, танкисты выехали из оврага, вернулись к основным силам бригады.

Нельзя не вспомнить замечательного парторга нашей танковой роты, добровольца из Свердловска, механика-водителя Игоря Переслегина.

Ночь в освобожденном нами Локте, тревожная, напряженная. Немцы контратакуют. К рассвету Игорь вернулся пешком — машина его сгорела. Попросился парторг в другой танк, у которого вышел из строя водитель, и опять — на врага. Возвратился совершенно измученный — экипаж свой он привез мертвым на продырявленной в нескольких местах машине.

— Дайте мне башнера и стрелка-радица!

Из шестой атаки он не вернулся. Снаряд попал в левый ленивец — осколком убило Переслегина.

Таковыми были уральцы-добровольцы, коммунисты.

Через несколько дней Свердловская бригада вышла к реке Десне.

Был короткий отдых. Мы хлебали горячие щи, приготовленные поваром Перевезенцевым, пробившимся с кухней на передовую через завалы Брянских лесов.

С механиком-водителем Булановым (я с ним работал вместе на Уралмаше) разговорились о родном коллективе и решили написать на завод письмо от бойцов-добровольцев. Когда наступило временное затишье, удалось собрать вместе уралмашевцев-танкистов Бухалова, Грабилина, сапера Белобородова, шофера Ларкина. В лесной землянке со светильником из снарядной гильзы писали мы о героически погибших и о тех, кто продолжал воевать, честно выполняя свою клятву.

Мы писали: «Пройдет война. На площади Первой пятилетки у входа на завод коллектив поставит памятник своим героям. На уральском камне-самоцвете вы, наверно, напишете имена погибших добровольцев-уралмашевцев Геннадия Нестерова и Петра Трепачева, Антона Огарка и Израиля Либмана, Владимира Давыдкина и Куприяна Захарова. И поколения юных строителей коммунизма будут чтить память, петь песни об уралмашевцах-добровольцах, которые, подобно Данко, зажгли свои сердца, чтобы светло, свободно и счастливо было всегда советским людям».

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in approximately 20 horizontal lines, covering the upper two-thirds of the page. The characters are too light and blurry to be transcribed accurately.

ШАХОВО★ БРЯНСКИЕ ЛЕСА★УНЕЧА

Совершив семидесятикилометровый марш, корпус в течение 5—6 августа сосредоточился в районе севернее Ильинского. Был получен приказ: овладеть станцией Шахово и, перерезав железную дорогу Орел — Брянск, отсечь путь отступающему врагу.

Прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, корпус освободил десятки населенных пунктов и 9 августа перерезал железную дорогу Орел — Брянск в районе Шахово.

В сводке Совинформбюро за 9 августа 1943 года сообщалось: «Западнее Орла наши войска, продолжая продвигаться вперед, заняли железнодорожную станцию Шахово (34 км западнее Орла) и ряд населенных пунктов. В боях на этом участке противник несет тяжелые потери в живой силе и технике, о чем свидетельствуют следующие

щие факты. В районе железнодорожной станции Шахово только в одном населенном пункте нашими частями обнаружены десятки немецких танков, подбитых в последних боях огнем советской артиллерии. Захваченные на этом участке в плен солдаты и офицеры противника сообщили, что их 253-я пехотная дивизия в боях за последние три дня потеряла до половины своего личного состава».

На следующий день, продвигаясь на юг, части корпуса перешли шоссейную дорогу Орел — Брянск и продолжали наступление на юго-запад, способствуя освобождению города Карачев.

Свердловская танковая бригада, поддерживая действия 63-й армии, в начале сентября заняла город Локоть, станцию Брасово, перерезала железные дороги Брянск — Льгов, Брянск — Киев и вышла через Брянские леса к Десне.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 17 сентября 1943 года указывалось, что Брянск освобожден в результате умело проведенного обходного маневра по труднодоступной лесисто-болотистой местности. Это была высокая оценка действий уральских добровольцев в боях за освобождение Брянска.

30-я мотострелковая бригада корпуса, усиленная танками, в конце сентября действовала в составе конно-механизированной группы фронта, имевшей задачу: стремительным ударом перерезать коммуникации противника Брянск — Почеп, Унеча — Клинцы, Новозыбков — Гомель.

23 сентября вместе с другими частями 30-я мотострелковая бригада штурмом овладела городом Унеча. В ознаменование этой победы бригаде было присвоено почетное наименование Унечской. Она стала первым соединением корпуса и 4-й танковой армии, которое удостоилось такой чести.

При освобождении Унечи особенно отличились разведчики капитана Мокрушина, саперы старшего лейтенанта Кирсанова и автоматчики старшего лейтенанта Пурвинского.

Героев первых боев не перечесть. С беззаветной храбростью шли в атаки воины всех бригад и полков корпуса.

Менее чем через три месяца после вступления уральских добровольцев в их первый бой народный комиссар обороны СССР своим приказом № 306 от 26 октября 1943 года преобразовал 30-й Уральский добровольческий танковый корпус в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус. Всем частям корпуса было присвоено наименование гвардейских. 1579 солдат, сержантов и офицеров были награждены орденами и медалями Советского Союза.

18 ноября 1943 года частям и соединениям корпуса в торжественной обстановке с соблюдением военного церемониала вручались гвардейские знамена. На этом празднике присутствовали делегации от тружеников Урала. Гвардейцы отчитывались перед земляками о своих боевых делах.

Братья Спеховы

ЯКОВ РЕЗНИК

Среди добровольцев, зачисленных в Уральский добровольческий танковый корпус, был член КПСС с 1930 года, редактор заводской газеты Уралмаша Яков Лазаревич Резник.

С редакцией газеты корпуса «Доброволец» Яков Лазаревич прошел весь его боевой путь. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями.

В 1957 году, после увольнения из армии в запас, возвратился в Свердловск.

В 1954 году принят в Союз писателей СССР. Его перу принадлежит ряд художественных произведений, в том числе повести «Рассвет над Влтавой», «Доверие», «Народный комиссар», «Чекисты», «Сотворение брони».

Награжден медалью «Ветеран труда».

29 августа 1943 года Уральский добровольческий танковый корпус был выведен в резерв — надо было пополниться личным составом и техникой. Лишь Свердловская танковая бригада, доукомплектованная частью людей и остатком боевых машин Челябинской и Пермской бригад, получила задачу: вместе с 63-й армией прорвать оборону противника, перерезать железные дороги Брянск — Льгов и Брянск — Киев и, совершив обходный маневр по тылам противника, содействовать освобождению Брянска и Бежицы.

В ночь на 1 сентября оборона немцев была сокрушена и утром бригада, устремившись в прорыв, на высоких скоростях помчалась на запад.

Выжженная земля лежала на нашем пути. Команды фашистских карателей и факельщиков, отходящие последними из деревень и городов, сжигали дома, вешали, расстреливали тысячи мирных, ни в чем не повинных людей.

На исходной позиции перед броском батальона к деревне Сныткино у нового комбрига полковника Жукова не оказалось времени, чтобы поговорить со мной, работником редакции корпусной газеты, об отличившихся в предыдущем ночном бою. Он показал мне стоявшего на лужайке офицера с орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза.

— Видите? Это мой заместитель. Он вам все расскажет.

Я подошел, назвал себя. Офицер — тоже.

— Майор Спехов, Федор Яковлевич.

Так вот почему скуластое лицо его с первого взгляда показалось мне знакомым!

— Павел Константинович — ваш брат?

— Вы знаете Павла? Вы с Уралмаша!..

Разговорились.

Федор Спехов рос под одной крышей с Павлом, и тот был для него не только двоюродным братом, а старшим другом, наставником в жизни.

— Мы заядлые охотники, белок стреляли с лета... Теперь, поди, забыл об охоте...

Он, оказывается, еще не знал о разлившемся по Уралу и вышедшем за его пределы народном потоке, названном спеховским

движением. Лучший токарь Уралмаша Павел Константинович Спехов нашел быструю и доходчивую форму обучения подростков заводскому мастерству. Оно было необходимо, производство задыхалось без квалифицированных станочников — многие ушли на фронт. Сперва Павел Константинович взял паренька Леню Терентьева, пришедшего в цех со вторым разрядом, предложил ему станок рядом со своим, спросил: «Хочешь со мной работать в один наряд?» Парень не верил своим ушам: «Как это?.. Вы — универсал, а я — ноль без палочки...» Спехов подбодрил паренька: «Через полгода будет из тебя классный токарь, только не ленись».

Закончился пробный месяц работы в один наряд — Терентьев выиграл вдвое по сравнению с прежним заработком, Спехов потерял половину своего.

— Неладное задумал, Константиныч, — твердили иные друзья по цеху и жена, — скоро и трети не будешь получать.

— Пусть... Не это главное. Мои братья — Федор, Василий, а ныне и меньшей — Владимир на фронте. Они там о себе не пекутся...

На четвертый месяц Леониду Терентьеву уже по плечу были работы по шестому разряду — научил Спехов, пустил паренька в самостоятельный полет. Думали — все, отдохнет Павел Константинович, а он рядом с собой поставил к станкам трех учеников и тех научил мастерству. Потом — шесть в один наряд. И весь Урал, вся страна узнали о школе Спехова, методе его. Подхваченное и направленное партийными организациями движение ширилось и росло.

— Ноги как у Павла? — забеспокоился майор Спехов. — Знаю, больные. Как ему стоять по одиннадцати часов в смену?

Я умолчал, что Павел Константинович порой вовсе домой не уходит — переспит на топчане в бытовке часа три-четыре и снова — к станку, к ученикам своим. Было время в сорок первом — сорок втором годах, когда осваивали производство танков, потом — самоходок, когда по две-три недели находились рабочие на казарменном положении.

— Вы не слышали? В феврале Павла Константиновича наградили орденом Ленина. Мы тогда в заводской газете страницу ему и вам посвятили. Так и озаглавили: «Спеховы защищают Родину». Мы поместили и стихи о братьях-богатырях: один танкист — герой, второй — зенитчик, а старший «у станка достиг успехов — десятки классных токарей растит любовно Павел Спехов».

С полчаса говорили об Урале, о брате, и когда я, спохватившись, попросил майора Спехова оценить прошедший бой, назвать лучших танкистов и расстегнул планшет, в котором вместе с картой носил блокнот, было уже поздно. Зарокотали двигатели танков первого батальона, вытягивающегося из леса и строящегося в колонну на полевой дороге.

Лицо майора, до этой минуты полное добродушного внимания, энергично сжалось, стало строгим.

Минут через двадцать танки первого батальона приблизились к узкой речке с крутыми берегами — метрах в двухстах за противоположным берегом виднелась деревня Сныткино.

До выхода танков с исходной позиции пехотная разведка сообщила, что мост, ведущий к Сныткино, цел, но, видно, разведчики были тут задолго до того, как дали эти сведения танкистам, — от переправы остались обломки.

Едва танки остановились, как посыпались вражеские снаряды и мины. Девять автоматчиков и саперов из десанта выбыли из строя.

Танки ответили огнем, заставили немецкие батареи приутихнуть. Спехов и автоматчики десанта перешли речку у крутого берега, выбили из деревни остатки пехоты противника. А когда саперы нашли место с пологими берегами, танкисты форсировали злополучную речонку и комбат, майор Аверин, повел батальон к высоткам за северной окраиной, откуда немцы недавно обстреляли колонну из пушек и минометов. Чтобы установить расположение вражеских огневых средств, комбат направил взвод разведки. Пройдя оврагом на север от деревни километра два, разведка возвратилась, сообщив, что ни пушек, ни минометов, ни живой силы не обнаружила. Осталось загадкой: либо немцы покинули в последний час огневые позиции, либо так мастерски их замаскировали, что словно растворились.

Чтобы не проморгать врага, экипажи вынуждены были двигаться с открытыми люками. Этим и воспользовались гитлеровцы. Из окопов, из-за кустов полетели в открытые люки ампулы. Разбиваясь внутри танков, они заполняли их ядовитым веществом. И опять заговорили немецкие батареи.

Открыв ответную стрельбу, охваченные азартом боя, танкисты не сразу почувствовали отравление, а когда ощутили опасность, не могли защитить себя. Те, кто, выйдя на боевое задание, не захватили с собой противогазы, жестоко заплатились.

По приказу комбата танки, в которых оказались отравленные, повернули в деревню. Батальонные медики немедленно отправили пострадавших в медсанвзвод.

К счастью, отравление не было смертельным. Но все же некоторых из пострадавших пришлось отправить на лечение. Среди них был и командир роты, старший лейтенант Сухов, которого комбат заменил командиром взвода Заикиным.

Встретиться с ним мне удалось только в 1974 году. И только теперь, через тридцать с лишним лет, ветеран корпуса Иван Луквич Заикин уточнил картину того давнего боя в Сныткино.

— Взвод разведки, высланный Авериным в сторону высоток, возглавлял Иван Абрамов. Танкист что надо! Но немцы влезли в землю, замаскировались — казалось, живой души нет.

После возвращения Абрамова мы тронулись колонной в обход пологого холма: танк майора Аверина в середине колонны, я — третьим. Но и экипажи передних машин ничего подозрительного не обнаружили.

Обогнув холм и высунувшись по пояс из люка, я заметил справа и чуть позади себя, как над землей поднимается плащ-палатка и из-под нее пистолет в мою сторону. Нырнул в люк, но пуля немца опередила меня, оставила незначительную отметину. Хлопнув крышкой, я скомандовал механику, чтобы дал задний ход. Надо отойти — машина от немца метрах в пяти. Бей не бей, все равно не попадешь — мертвое пространство. Когда

отошли, я выстрелил из пушки и тут услышал по радио голос Аверина: «Ты же своих бьешь, Заикин!»

Я вздрогнул: может, напутал, может, действительно послал снаряд в своих... И все же для проверки высунулся из люка, кричу: «Хенде хох!». Вижу — немцы по траншее драпают. И другие наши увидели, и добрая половина танков из нашей колонны пошла утюжить окопы и траншеи. Но не все немцы бежали. Минометчики с обратного ската холма вели меткий огонь. Наши снаряды тоже достигали их, покалечили изрядно. В этот момент немецкие автоматчики и стали бросать в наши открытые люки стекляннные ампулы. В числе пострадавших оказался и старший лейтенант Сухов. Майор Аверин приказал мне возглавить роту и двигаться к станции Брасово.

Рота выехала из ложбины на бугор, освещенный последними лучами солнца. Заметив нас, немцы со второй высотки открыли сильный пушечный огонь. Плохо пришлось бы нам, если б не приказ Аверина по радию: «Отойти в Сныткино!»

По пути к деревне я остановился возле танка лейтенанта Бородулина — ему надо было оказать техническую помощь. Огляделся и узнал окоп, откуда немцы стреляли в меня и куда я послал свой снаряд. Подумал: «Может быть, найду пистолет, из которого немец едва не убил меня? Скребу пальцами мягкую, разворошенную снарядом землю и чувствую в руке волосы. Потянул их к себе и увидел длинного, с позеленевшим лицом ефрейтора. Он трясется, и я трясусь, сам не знаю отчего.

Когда взял его в плен, увидел взрыв возле танка, где только что стоял Бородулин.

Совсем стемнело. Мне и моему экипажу пришлось на ощупь искать Бородулина: нет и нет его... В это время вражеская пуля угодила мне в грудь, задела легкое и вышла в руку. Сразу боли не почувствовал, не предполагал даже, что ранен, пока не увидел кровь...

Потеряв сознание, Заикин уже не видел того, что произошло, когда танкисты возвратились в деревню, где их ожидали Спехов и Аверин.

— Где Бородулин? — строго спрашивал комбат механика-водителя танка командира роты.

— Убит...

— Захватили с собой?

— Нет... Темно...

Аверин кричал, что надо бы вывезти тело убитого, а послать за ним не послал — жалел бойцов, боялся новых потерь.

Он сел, беспомощно склонив голову на грудь и опустив ноги в кювет, а Спехов вполголоса ругал майора Аверина.

— А может быть, жив Бородулин? Не ошибся ли механик? И если даже мертв, все равно — вынести!

— Убитых сколько... — пытался Аверин смягчить Спехова.

— Постройте людей, спросите, кто желает пойти, — приказал Спехов.

...Глубокая ночь. Лишь вспышки выстрелов и редкие осветительные ракеты немцев выхватывают из черноты лица танкистов. Они кажутся застывшими. Кто отважится ползти в лощину искать тело лейтенанта?

— Кто пойдет добровольно?..

Гнетущая, как перед взрывом, тишина. Они только начали воевать. Кто пересилит робость?

— Я пойду!.. — это голос механика танка Бородулина и шаги его тяжелые.

— Я!.. Я!.. Я!..

Все танкисты, стоявшие в строю, сделали шаг вперед. Послали четырех.

...Уже они принесли тело убитого комроты, уже вышли из боя танкисты Заикина, очистив высоту; уже был допрошен и отправлен в штаб ефрейтор, который кричал: «Гитлер капут!» и утверждал, что он по русским не стрелял, утверждал до той минуты, пока из его кармана не были извлечены три медали, полученные на Восточном фронте. А меня все еще преследовала навязчивая мысль: правильно ли поступил Спехов, заставив отправить четырех ребят, может быть, на смерть?

На рассвете на освобожденной от врага высоте мы хоронили лейтенанта Бородулина. Выступили механик-водитель и замполит батальона Брехов. Потом был автоматный салют танкистов над могилой командира роты. И там, на высоте, глядя на строгие, печальные и возмужавшие за эту ночь лица бойцов, я, кажется, понял причины неотступности Спехова. Молодые танкисты постигли что-то очень важное. Наверно, то постигли, что дружба боевая — не красное слово, что солдат пойдет за командиром и солдатом, вынесет его с поля боя — будь он тяжело ранен или убит, чтобы не попался врагам, чтобы они ни над раненым, ни над мертвым не измывались. И командир пойдет за солдатом, не оставит его ни в какой беде. И еще мне показалось тогда, что танкисты Аверина другими глазами смотрели на Спехова, поняли, должно быть, простую, на первый взгляд, истину: не может командир быть в бою размягченным, он обязан раскрывать в солдате невыявленные силы, которые находятся в душевном резерве до той минуты, до того часа, когда обстоятельства ставят его перед большим испытанием, таким, что если выстоишь, не сломишься, — и о тебе скажут: ты настоящий солдат, ты — герой.

Мало кто в корпусе знал, что Спехов получил свою Звезду еще в 1939 г. за Халхин-Гол — Федор Яковлевич не любил о себе рассказывать.

В последний раз я видел Спехова (уже в звании подполковника) в январе сорок пятого на Сандомирском плацдарме. Мы долго разговаривали, он дал мне прочитать написанное крупным почерком Павла Константиновича коротенькое, как телеграмма, письмо: «Работаю. По моему методу воспитывают молодых ребят, не менее сотни человек, на Уралмаше и, говорят, тысячи людей на многих заводах страны. Кажется, скоро конец войне, да, Федя?.. Довоюй, выживи, прошу тебя, и приезжай — ноги подлечу и поохотимся...» Письмо было написано на оборотной стороне замасленных нарядов, и в лесной землянке запахло металлической горячей стружкой, сладковатой эмульсией..

Погиб Федор Яковлевич на стыке трех границ — Польши, Германии и Чехословакии — 1 апреля 1945 года. Как жил и воевал, так и погиб героем коммунист уралец Спехов за свой народ,

за нынешних Спеховых — юную поросль рабочего класса, творцов и воинов, готовых к подвигам во имя Отчизны.

* * *

Федор Яковлевич Спехов — первый Герой Советского Союза, которого танкисты Свердловской бригады увидели в нашем корпусе в боях южнее Брянска. Он учил воинов-добровольцев своим примером, опытом, мастерством, своей беззаветной преданностью Родине.

Павел Константинович Спехов. Его имя отлито золотом в верхней строке мраморной стены почета Уралмаша.

Братья-уральцы Спеховы! Они олицетворяли единство фронта и тыла, которое было крепче любых сверхтвердых сплавов.

Завоевали имя: унечцы

ВЛАДИМИР ПУРВИНСКИЙ

Коммунист Владимир Викентьевич Пурвинский прибыл в добровольческую мотострелковую бригаду, излечившись после тяжелого ранения. Опытного офицера поставили во главе отдельной роты автоматчиков. В сражении за Унечу добровольцы под его командованием проявили чудеса храбрости. Одним из первых офицеров корпуса Владимир Викентьевич был награжден орденами Красной Звезды и Красного Знамени. После третьего ранения, контузии и временной потери зрения он выбыл из фронтового строя. Трудящиеся города Унечи присвоили Владимиру Викентьевичу Пурвинскому звание почетного гражданина города, а коллектив Свердловского завода бурового и металлургического оборудования, на котором он работал после войны почти четверть века, удостоил ветерана войны звания ветерана труда.

С 20 сентября по 1 октября 1943 года наша 30-я мотострелковая бригада вела бои в составе конно-механизированной ударной группы войск Брянского фронта, действовавшей в направлении городов Унеча, Клинцы, Новозыбков.

Совершив ночной 45-километровый марш, бригада приблизилась к деревне Писаревка.

На подступах к ней противник построил оборону в виде подковы, создав «мешок», в который по замыслу гитлеровцев должны были попасть наши наступающие части.

Комбриг полковник Смирнов вызвал меня в штаб бригады. Он взял карту, показал город Унечу, очертания обороны противника.

— Смотри внимательно, Владимир Викентьевич. Скуем противника в центре «подковы», а главными силами будем брать Писаревку. Впереди пойдут твои автоматчики на танках. А там Унеча — опорный пункт немцев на Гомельском направлении. Разведка донесла, что на станции стоят эшелоны с нашими военнопленными, с женщинами, детьми, которых собираются увезти в рабство в Германию.

Тут же я узнал, что город Унечу обороняют 4 немецких полка, батареи артиллерийских орудий и шестиствольных миноме-

тов. На 200—300 метров по сторонам от дорог к Писаревке и Унече противник вырубил лес и кустарник, дороги заминировал.

На исходном рубеже я уточнил вопросы взаимодействия с командиром танковой бригады, и мои автоматчики заняли места на танках.

Едва успели мы проехать 2—3 километра, как боевое охранение врага обстреляло нас — появились убитые и раненые автоматчики. А как приблизились вплотную к Писаревке, артиллерийские и минометные батареи открыли перекрестный огонь. Наши танкисты с ходу уничтожили и подавили несколько батарей, но часть наших танков подорвалась на минном поле.

Тут и тронулась в атаку немецкая пехота. Схватка была яростной. Рядовые Николай Ситников, Иван Лосев, Газидов, ефрейторы Даукше и Федоров, сержанты комсорг роты Алексей Поздняков, Михаил Герасимов, старшина Николай Карманов, младший лейтенант Аверкин и много других отчаянно смелых ребят не дрогнули перед превосходящим нас противником. Две атаки были отбиты. Большие потери понесли немцы. У нас также были убитые и раненые. Большая тяжесть легла на хрупкие плечи нашей маленькой самоотверженной Галины Селетовой — санинструктора роты автоматчиков, добровольца из Шалинского района Свердловской области. Под артиллерийским и минометным обстрелом она делала перевязки, на плащ-палатке переносила тяжело раненых в безопасное место.

К ночи мы подошли к деревне Воробьевке. Бойцов в роте оставалось мало, боеприпасы были на исходе. А тут еще, преодолевая минное поле, мы попали под сильный артиллерийский обстрел. Один за другим, подбитые вражескими снарядами или подорванные на минах, останавливались наши танки. Но автоматчики под прикрытием орудийного и пулеметного огня танкистов продолжали атаку, ворвались на окраину деревни.

Танки пошли в обход. Противник учел, что автоматчики оказались одни, и окружил нас. Тогда мы организовали круговую оборону. Попытки установить связь со штабом и другими подразделениями бригады не дали успеха: несколько связных погибли.

Пять раз немцы бросались в атаку, но отходили, неся большие потери. Старшина Карманов организовал сбор трофейного оружия и боеприпасов, и это помогло нам продолжать бой.

Мы дрались с врагом до тех пор, пока не подошли главные силы бригады — сводный батальон Ф. И. Поцелуева, минометчики, артиллеристы, которые взяли Воробьевку неожиданным для врага обходным маневром.

Затем разгорелись бои непосредственно за Унечу. Разведчикам капитана Г. Ф. Мокрушина надо было прощупать дорогу на Унечу. На полной скорости они на бронемашинах ворвались в расположение противника, уничтожили несколько десятков гитлеровцев, захватили в плен офицера, засекли огневые точки. По их данным, артиллеристы капитана С. М. Худякова, минометчики старшего лейтенанта Т. С. Акишева нанесли противнику большой урон.

После этого капитан Мокрушин с группой своих разведчиков более чем за сутки до полного освобождения Унечи пробрался

в центр города и с помощью местных жителей вел разведку сил вражеского гарнизона.

Два расчета противотанковой артиллерии — добровольцы Жеребков, Павлов, Гавриенко, Дьяков, Прохоров и другие — оказались окруженными вражескими автоматчиками. Они развернули орудия и начали бой.

Вражеский офицер предложил батареяцам сдаться — они ответили выстрелами из обоих орудий прямой наводкой.

Наводчик станкового пулемета комсомолец Кулиш в бою за город отбил три контратаки. Во время четвертой его ранило, пулемет замолк, но он вступил в рукопашный бой с вражескими солдатами.

Группа бойцов старшего лейтенанта Н. Н. Медиокрицкого блокировала большой дом, в котором было около семидесяти фашистских солдат и офицеров. Наши смельчаки В. И. Лешков, Ф. К. Белых, А. В. Головин, И. С. Антонов с гранатами и автоматами штурмовали дом, уничтожили всех, кто не сдался.

К вечеру 23 сентября 1943 года Унеча была полностью освобождена частями Красной Армии.

Родина салютовала победителям. В том числе и уральцам-добровольцам.

Так воюют уралмашевцы

(из письма с фронта)

От шести до десяти лет проработал каждый из них на Уралмашзаводе. Федор Гержов и Ваганов стали хорошими токарями, а Михаил Митрохин — мастером приемки. Они дружили на заводе и все добровольно пошли воевать за Отчизну. Еще в вагоне, на пути в свою часть, друзья о чем-то долго советовались. И, как только приехали на место, они подали заявление на имя командира: «Знаем друг друга давно, вместе делали самоходки на заводе и просим дать нам возможность воевать в одном экипаже».

Просьбу друзей удовлетворили. И они в учебе и в сражениях оправдали доверие командиров. В недавнем бою, когда часть стремительно наступала на врага, отличился экипаж самоходки. В этом бою был ранен Ваганов...

...На днях вручали ордена и медали самоходчикам. Вот подошел к командиру могучий, как дуб, Гержов, за ним — высокий, сильный, с раскрасневшимися щеками Михаил Митрохин. Они напоминали древнерусских богатырей. Славным воспитанникам Уралмаша вручили медали «За отвагу».

Наводчика Филимохина заводские и фронтовые друзья-добровольцы поздравляли с орденом Красной Звезды.

Уралмашевцы, конечно, помнят токаря Владимира Прокофьевича Филимохина. На третьем участке в цехе т. Вылегжанина стоит его станок «Вагнер» № 317. Он славно работал на нем, создавая самоходки для фронта, он прекрасно воюет на одной из уралмашевских машин.

В одном бою самоходное орудие оказалось как бы в клещах немецких противотанковых пушек. Несколькими из них сконцентрировали огонь по самоходке. Прямое попадание снаряда в крыло сделало вмятину в броне.

— Вправо огонь! — командовал командир, и Владимир Прокофьевич первым выстрелом уничтожил противотанковую пушку. В ту же секунду он заме-

тил отходящий танк противника и стал посылать ему в спину «гостинцы». Замер танк на месте, открылись люки, и немецкие солдаты в шлемах побежали, спасая жизнь.

Стало темнеть. Бой как будто затихал. Механик Рогожкин сделал круг — в приборах для наблюдения ничего не видно, но это было обманчиво. Как только самоходка вышла из укрытия, заговорили три противотанковые немецкие пушки. Сейчас судьба экипажа, машины была в руках Владимира. Летели вражеские снаряды то справа, то слева, то над головой. Филимонихин отвечал метким огнем, и две пушки замолчали. Но третья все-таки успела пристреляться к машине. Снаряд ударил в противооткатный механизм, воспламенилась жидкость, огонь обжег лицо Владимиру. Мелкие осколки влились в руки механику-водителю. Превозмогая боль, Рогожкин стал выводить машину из-под обстрела, но отойти не успел. Третья болванка ударила в борт, однако и она не сумела прогрызть стальную плиту. Броня от прямого попадания снаряда в одном месте разошлась как бы веером на три части, но все же не пропустила снаряда.

В глубине леса стоит испытанная в сражениях, любимая экипажем боевая машина. Владимир Прокофьевич обошел ее, показал все вмятины в броне и ласково сказал:

— Мне хочется обнять товарищей, которые делали эту самоходку, они воевали и били немца вместе со мной.

[Газета Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение», 1943, 4 ноября.]

Незабываемое

КЛАВДИЯ БЕЛУОСОВА-ШИРИНКИНА

Клаву Ширинкину — дочь знатного сталевара из Кушвы и вожака районной комсомолки в Свердловске — областная организация ВЛКСМ послала делегатом на фронт. Она, как и другие члены делегации, рассказала добровольцам о том, как трудятся уральцы в тылу, оказывая самоотверженную помощь фронту. Делегаты говорили о великом единстве тыла и фронта в борьбе с врагом. После войны Клавдия Николаевна была на руководящей партийной и советской работе.

Передо мной небольшой листок пожелтевшей от времени бумаги — выписка из протокола заседания бюро Свердловского обкома ВЛКСМ от 21 сентября 1943 года. В ней говорится о том, что меня — секретаря Чкаловского РК ВЛКСМ города Свердловска — командируют представителем от комсомольцев и молодежи Свердловской области в составе делегации на фронт навестить наших славных добровольцев.

Невольно вспомнились те волнующие дни, когда уральцы начали формировать свой добровольческий танковый корпус и в райкомы толпами стали приходить юноши и девушки с суровыми лицами и с заявлениями в руках, в которых выражали свою горячую любовь к Родине, свою готовность немедленно отправиться в действующую армию бить ненавистного врага.

В первых рядах этого поистине патриотического движения были коммунисты и комсомольцы. Подавали заявления и мы — секретари горкомов и райкомов комсомола. Ушли на фронт в составе добровольческого корпуса Алексей Федоров — в то время секретарь Орджоникидзевского райкома ВЛКСМ Свердловска, Михаил Шиманов — секретарь Первоуральского горкома ВЛКСМ. В числе добровольцев были также комсорг цеха Уралмаша Андрей Смирнягин, молодой металлург Верх-Исетского завода, ныне писатель Вадим Очеретин, и многие другие.

В начале войны к нам в район вместе с эвакуированным предприятием прибыл из Подмосковья комсомолец Николай Русанов. Хотя его не отпускали с завода, ничто не могло удержать юного патриота. Николай с честью пронес в боях имя комсомольца. В битве под Орлом его машина была подожжена вражеским снарядом. Николай Русанов вел бой до последнего дыхания. Когда я приехала с делегацией на фронт, мне передали обгоревший комсомольский билет Николая Андреевича Русанова.

Был среди добровольцев и мой товарищ по комсомолу Алексей Тимофеевич Федоров. Утром 24 января 1945 года на восточном берегу Одера Алеша пал смертью храбрых при налете вражеских самолетов на колонну танков.

Никогда не забывали уральцы своих добровольцев. Между фронтом и тылом шла оживленная переписка. В честь добровольческого корпуса на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах создавались новые фронтовые бригады. Люди работали не щадя себя...

Именно в это время на предприятиях нашего района появились тысячники: Дуся Котенкова, Николай Степанов, Володя Ливренов и другие ребята, о трудовых подвигах которых сообщала тогда всей стране «Комсомольская правда».

Наша делегация выехала из Свердловска в октябре 1943 года. В нее вошли сталявар Крюков из Нижнего Тагила, работница Кизерова с фабрики «Уралобувь», председатель колхоза Семенов из Камышловского района, участник гражданской войны, колхозник Гладких из бывшего Махневского района и другие. В состав делегации входили также партийные, советские и профсоюзные работники.

Делегаты ехали не с пустыми руками.

Повсюду готовились рапорты о героической работе уральцев в тылу. Письма родным и близким писали и целыми коллективами, и комсомольскими организациями, и фронтовыми бригадами. Особенно много писем было от девчат. Делегаты повезли на фронт своим посланцам эшелон подарков.

Никогда мне не забыть 18 ноября 1943 года.

В окружении векового леса, на огромной поляне, выстроились тысячи солдат в простреленных шинелях, с автоматами через плечо — выстроились для получения гвардейского знамени.

Торжественная тишина. В центр поля вышел генерал Родин — командир прославленного корпуса и произнес твердым голосом:

— Уральцы! Гвардейцы! Добровольцы! Здравствуйте!

А когда раздался мощный громовой ответ бойцов, то нам, делегатам, стоящим около трибуны, наспех построенной из бе-

резы, показалось, что зашатался Брянский лес. Все сжалось внутри, и на глазах появились слезы — слезы гордости за наших уральцев, за их ратные подвиги, слезы боли за погибших земляков.

После торжественной церемонии вручения гвардейского знамени состоялся митинг. От имени делегатов я поздравила добровольцев с высокой наградой, передала им горячий привет из родного края, доложила о трудовых подвигах земляков.

Потом мы побывали в землянках у зенитчиков, танкистов, разведчиков, в медсанчасти и в редакции газеты «Доброволец».

Повсюду встречали нас как родных. Бойцы и командиры проявляли большой интерес к работе и жизни тыла, спрашивали о детях, о тех, ради кого они шли на смерть...

С волнением пришла я на собрание комсомольского актива корпуса. С каким вниманием ребята слушали мой рассказ о жизни и работе комсомольцев и молодежи области, о том, как в ответ на их ратные подвиги комсомольцы Свердловской области провели фронтовой декадник по выпуску сверхплановой продукции, как на средства молодежи была построена и отправлена на фронт 3-я танковая колонна — «Свердловский комсомолец», как серовские комсомольцы построили новую мартиновскую печь, о том, в каких трудных условиях приходится работать сельской молодежи.

Решение актива было кратким: в ответ на награду Родины комсомольцы-гвардейцы клянутся еще сильнее громить врага.

И они сдержали слово.

Все танкисты Красной Армии гордятся вами

ТЕЛЕГРАММА КОМАНДОВАНИЮ И ЛИЧНОМУ СОСТАВУ КОРПУСА

От имени советских танкистов Военный совет бронетанковых и механизированных войск Красной Армии поздравляет Вас и весь личный состав соединения с получением высокого гвардейского звания.

В ожесточенных боях с заклятыми врагами нашей Родины — немецкими оккупантами — вы с честью пронесли свои боевые знамена, заслуженно вошли в почетную гвардейскую семью и оправдали великое доверие трудящихся Урала, вооруживших вас грозной боевой техникой, укомплектовавших прекрасным составом бойцов.

Все танкисты Красной Армии гордятся вами, добровольцы Урала. Гвардейское звание обязывает каждого бойца и офицера свято хранить и множить славные боевые традиции советских танкистов и показать новые образцы героизма и мужества в боях за нашу Советскую Родину.

Желаем дальнейших боевых успехов, беспощадно громите и уничтожайте смертельных врагов нашей Родины — немецких захватчиков.

Федоренко, Бирюков
[«Доброволец», 1943, 15 ноября]

ИДЕМ НА КАМЕНЕЦ★ ПОДОЛЬСКИЙ

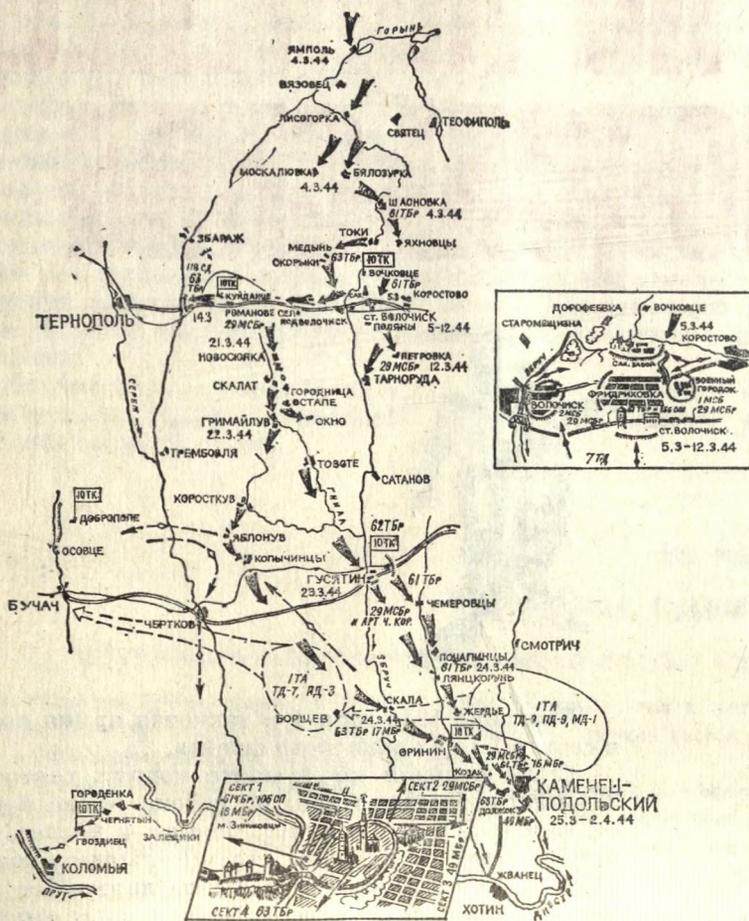

В январе 1944 года 4-я танковая армия вошла в состав 1-го Украинского фронта.

С 23 февраля по 4 марта корпус, совершив 330-километровый марш из района Киева в район города Острог, получил приказ: в полосе 60-й армии войти в прорыв, стремительным броском оседлать железную и шоссейную дороги Проскуров — Тернополь в районе Волочиска и отрезать пути отхода проскуровской группировке врага на запад. В этом случае крупнейшая вражеская группировка «Юг» окажется восточнее удара советских войск.

4 марта корпус вошел в прорыв в районе Ямполья. В передовом отряде корпуса двигалась Свердловская танковая бригада. Наступление проходило в тяжелых условиях весенней распутицы, что вызвало большие трудности в маневре артиллерией, привело к отставанию тылов.

Каменец-Подольская операция

Первыми на Волочискский сахарный завод ворвались танки головной походной заставы старшего лейтенанта Одаренко. С ними на броне танков вошла рота автоматчиков старшего лейтенанта Добровидова. К утру 6 марта поселок Фридриховка и станция Волочиск были взяты, а город Волочиск был освобожден при активном участии мотострелков-унечцев уже к исходу дня.

7 марта немцы превосходящими силами танков и пехоты начали непрерывные контратаки на Волочиск и поселок Фридриховку. Им удалось прорваться к сахарному заводу и отрезать наших гвардейцев от основных сил корпуса. Добровольцы Свердловской танковой бригады, мотострелковой Унечской бригады, двух батарей самоходного полка в течение шести суток отражали натиск танков, самоходок и пехоты 7-й танковой дивизии врага.

Огнем «тридцатьчетверок», противотанковых ружей, гранатами и бутылками с горючей смесью было уничтожено и подбито сорок «тигров», восемь «фердинандов» и много другой техники.

12 марта объединенными усилиями подошедших частей корпуса и гарнизона уральцев в Волочiske противник был отброшен на юг на 15—17 километров.

Челябинская танковая бригада после упорных боев за Старомещизну и Подволочиск к 14 марта вышла в район Романовки и во взаимодействии со 118-й стрелковой дивизией 60-й армии отражала яростные атаки гитлеровцев со стороны Тернополя. Так закончился первый этап этой операции.

21 марта уральцы получили приказ продолжать наступление и овладеть областным городом Каменец-Подольским.

Унечская мотострелковая и Пермская танковая бригады с минометным полком атаковали противника в районе Скалат и к исходу дня овладели им. 23 марта части корпуса совместно с 16-й гвардейской мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса штурмом овладели городом Гусятин.

На следующий день Свердловская танковая бригада, наступая на левом фланге корпуса, ворвалась в Почепинцы и разгромила штаб 7-й танковой дивизии. Наступая на Каменец-Подольский, бригада подверглась массированным атакам фашистской авиации.

Совершив обходный маневр, Челябинская танковая бригада совместно с 17-й гвардейской мехбригадой 6-го гвардейского мехкорпуса 24 марта овладела городом Скала, успешно форсировала реку Збруч, освободила село Оринин и вечером ворвалась в Должок на западной окраине Каменец-Подольского, перерезав шоссейную дорогу на Жванец.

Унечская мотострелковая бригада, 299-й минометный полк утром 25 марта вышли к северо-западной окраине Каменец-Подольского.

Свердловская танковая бригада к исходу 24 марта овладела местечком Зиньковцы на подступах к Каменец-Подольскому.

С севера и юга к городу подошли 16-я и 49-я мехбригады 6-го гвардейского мехкорпуса 4-й танковой армии.

25 марта в 17.00 залпом гвардейских минометов начался одновременный штурм города с севера, юга и запада. Атака была на-

столько стремительной, что фашисты не успели взорвать заминированный Турецкий мост, электростанцию и ряд предприятий. Взорван был только мост, соединяющий Старый и Новый город. На подступах к Турецкому мосту погиб любимец свердловских добровольцев командир танковой роты старший лейтенант Владимир Зинченко.

Автоматчики батальона капитана Ф. И. Приходько из Челябинской танковой бригады по узкому ущелью обошли крепость и переправились на Русские фольварки. Рота унечцев старшего лейтенанта Козлова при поддержке артиллеристов лейтенанта Я. Хардикова захватила исправный Турецкий мост. По нему и обнаруженному броду в город ворвались танки Свердловской и Челябинской бригад и остальные части корпуса.

К утру 26 марта гвардейцы Уральского и 6-го мехкорпусов полностью очистили от врага Каменец-Подольский, но бои за него продолжались еще шесть суток — вырывавшаяся на запад часть войск проскуровской группировки немцев пыталась выбить наши войска из Каменец-Подольского.

В опаснейший момент, когда «тигры» прорвались на позиции минометчиков Унечской бригады, бывший кузнец Дегтярского рудника гвардии рядовой Иван Николаевич Долгов закрепил поясом на груди противотанковую мину, взял в каждую руку по связке гранат и, поднявшись во весь рост, крикнул: «За Родину!» Ценою жизни отважного гвардейца «тигр» был уничтожен. Воодушевленные подвигом Долгова минометчики остановили, а затем отбросили врага.

Более пяти тысяч воинов корпуса были награждены орденами и медалями за героизм, проявленный при освобождении Каменец-Подольского. Свердловская танковая бригада была удостоена ордена Красного Знамени.

Первые

Скромна чеканная краса, неизмерима народная ценность Золотой Звезды. Каждый из тридцати восьми Героев Уральского добровольческого танкового корпуса шел к своей Звезде единственным неповторимым путем.

Танкист Григорий Сергеевич Чесак, бронебойщик Николай Александрович Худяков первыми получили в Уральском добровольческом корпусе звание Героя Советского Союза.

Они показали себя на правом берегу Украины в марте 1944 года бесстрашными гвардейцами, умелыми укротителями немецких «тигров» и «пантер».

Ко времени, о котором идет речь, уральские танкостроители, ни на день не останавливая производство, сумели модернизировать танк Т-34, поставив на него 85-миллиметровую пушку. Эта пушка и на дальних дистанциях пробивала толстую броню «тигров», «пантер» и «фердинандов». Но Уральский танковый корпус стал получать модернизированный танк только в апреле 1944 года, и бои с «тиграми» на станции Волочиск и под Каменец-Подольским уральским танкистам приходилось вести в танках с 76-миллиметровой пушкой.

Задача была невероятно трудная. В «тиграх» воевали опытные фашистские офицеры и солдаты. Им приказали во что бы то ни стало взять станцию Волочиск и поселок Фридриховку, восстановить движение немецких составов по железной дороге от Тернополя на Проскуров и Винницу. Немцы, по-видимому, разведали, что в Волочиск и Фридриховку, занятые 6 марта, вошло мало нашей пехоты, танков и самоходных пушек... Они рассчитывали, что в весеннюю распутицу советскому командованию не удастся быстро подбросить новые части. Поэтому гитлеровцы шли самоуверенно и нагло, предполагая если не к вечеру, то на следующий день уничтожить здесь последнего нашего солдата. Они надеялись на то, что пушка «тигра» может пробить броню «тридцатьчетверки» на дистанции до тысячи метров.

Но уральцы, прошедшие суровую школу на Брянском фронте в 1943 году, узнали уязвимые места «тигров» и силу своей «тридцатьчетверки». «Тигр» грузен, неповоротлив, в полевых условиях резко падает у него скорость. А «тридцатьчетверка» — «быстрая ласточка», как ее называли еще в начале войны, — легка, стремительна, прекрасна для молниеносного маневра на любой местности. Да, «тигр» выигрывает в толщине брони, выигрывает пока что пушкой, а ты ему противопоставь свое тактическое мастерство и смелость. Хочешь подбить «тигра», устрой засаду, подпусти его на триста, еще лучше — на сто метров или, используя свое превосходство в скорости и маневре, подлетай к нему на близкую дистанцию и, если неудобно бить в борт, бей в гусеницу — тут уж без промашки твой снаряд перебьет «тигровые лапы».

Так и действовал в начале марта 1944 года танковый экипаж добровольцев из Свердловска — механик-водитель Виталий Овчинников, командир башни Дмитрий Курбатов, радист-пулеметчик Александр Бухалов и отважный командир «тридцатьчетверки» лейтенант Григорий Чесак.

Произошло это на исходе первой ночи в той самой Фридриховке, где уральские добровольцы в течение недели отбивали контратаки превосходящих сил противника.

Перед рассветом, когда сон, казалось, вот-вот одолеет танкистов, ребята из экипажа Чесака слышали нарастающий гул моторов и звон гусениц, увидели надвигающуюся на них колонну из девяти «тигров». «Тридцатьчетверка» стояла одна в засаде у перекрестка. Начать бой?.. Не бессмысленно ли это, если по-

близости имеется лишь боевое охранение автоматчиков и ни одной противотанковой пушки? Отсидеться в засаде?.. Колонна пройдет к станции Волочиск, а там мало сил, там могут не выдержать прорыва «тигров».

Может быть, и мыслей подобных не было, а был лишь яростный ступор воли не уступить врагу, воспользоваться единственным в этих условиях тактическим преимуществом перед экипажами девяти «тигров»: те не заметили «тридцатьчетверку», притаившуюся в укрытии за домом.

Какую надо было проявить выдержку, в какие тиски зажать нервы, чтобы подпустить к себе голову колонны менее чем на сто метров, и лишь тогда скомандовать механику-водителю вывести танк на огневую. Несколько секунд понадобилось Виталию Овчинникову, чтобы включить мотор и рвануть машину навстречу и в бок головному «тигру». Дмитрий Курбатов быстро зарядил пушку, и Григорий Чесак первым же выстрелом подбил «тигра». Колонна немедленно пустила восемь снарядов в сторону «тридцатьчетверки», но последней уже не было на огневой — Овчинников успел ее завернуть в другое укрытие и оттуда выйти на вторую позицию.

Фашисты озлобились. Их снаряды рвались кругом — один отбил кусок днища. Но выстрел «тридцатьчетверки» оказался точнее — второй «тигр» остановился с разорванной гусеницей, а Т-34 — опять в укрытие.

Экипаж, искусно маневрируя и ведя прицельный огонь, бросал свою стремительную боевую машину то за дом, то на новую огневую, пока не подбил третьего «тигра», а остальные тяжелые немецкие танки не повернули вспять.

Через несколько дней, когда гитлеровцам все же удалось вывести из строя танк Чесака, его экипаж отремонтировал гусеницу одного из трех трофейных «тигров», воевал на нем, пока уральцы не прислали в корпус новые «тридцатьчетверки» с гучей 85-миллиметровой пушкой.

— Гриша приручил «тигра»... — смеялись друзья.

Двух бойцов из расчета противотанкового ружья не сравнишь с экипажем танка Т-34. Вся защита бронейщика — окоп или угол дома, вся надежда — на свое мастерство.

Известно, человек не рождается бесстрашным. Жаром и холодом обдавало бойцов расчета противотанкового ружья, когда они впервые оказывались лицом к лицу с «тигром».

Добровольцу из Челябинского инструментального завода младшему сержанту Унечской мотострелковой бригады Николаю Худякову приходилось вести огонь — и успешный — против броневика, нескольких автомашин, против пехоты. Но с «тиграми» он столкнулся лишь в Фридриховке в марте 1944 года.

Можно описать подробности этих схваток. Но вернее, чем рассказал сам Худяков в газете «Доброволец» в те весенние дни, никто, пожалуй, не расскажет.

Вот что писал Николай Александрович Худяков в статье «Как я подбил три тяжелых танка»:

«Наше подразделение противотанковых ружей совместно со стрелковым подразделением находилось в обороне на правом

фланге местечка Фридриховка. Танки типа «тигр» и немецкие автоматчики беспрерывно атаковали нас.

Вот и на наш участок обороны пошли «тигры». Я хорошо замаскировался и подпустил один немецкий тяжелый танк до ста метров к себе. Машина шла прямо на меня, я выстрелил, но пуля попала в лоб и не пробил брону. Второй раз угодил в башню и заклинил ее. Все же «тигр» продолжал приближаться к окопу. После третьего выстрела танк остановился. Из него начали выскакивать танкисты. С ними наши автоматчики справились.

Это была моя первая встреча с «тигром», и я еще боялся, что ружье не возьмет его. В другой раз «тигр» стоял на улице. Решил подняться на чердак дома, откуда мне прекрасно видна была крышка моторной части. Я хорошо прицелился и выстрелил. «Тигр» загорелся, выскочивших фрицев я убил из автомата.

На этот раз я уже уверенно стрелял из своего ружья, бил наверняка, выбирая слабые места немецкой машины.

С третьим танком встретился на улице, ведущей к нашему штабу. Командир взвода приказал мне выдвинуться вперед и открыть огонь. Я притаился за углом дома и, когда «тигр» приблизился ко мне метров на 70, прицелился в башню. Танк продолжал идти. Он заметил меня и выстрелил из орудия. Меня легко ранило. Сменил позицию. Залег в другом конце дома, замаскировался. Теперь танк был на расстоянии 30—40 метров, я тщательно прицелился в гусеницу и перебил ее. «Тигр» застыл поперек улицы и преградил путь другим. Так была предотвращена опасность, которая угрожала штабу.

Вскоре добровольцу Николаю Александровичу Худякову присвоили звание Героя Советского Союза. Он продолжал воевать умело и бесстрашно, пока вражеская пуля не остановила сердце отважного комсомольца.

Комсомольцы-добровольцы

АЛЕКСАНДР ПЕРМИНОВ

Слесарь Нижнетагильского завода имени Куйбышева комсомолец Саша Перминов воевал в Свердловской танковой бригаде с первого боя и до Праги — снайпером, автоматчиком, заменил в бою командира взвода. Был трижды ранен, контужен.

За форсирование Одера удостоен ордена Красного Знамени, в последующих боях был награжден еще двумя орденами.

За мобилизацию комсомольцев батальона, в котором он был комсоргом, за успешный штурм Берлина Александр Перминов получил Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ.

После войны Александр Николаевич вернулся в Нижний Тагил. Работает мастером на металлургическом комбинате.

Первые бои на орловской земле были для нас, добровольцев, и старших и юных, невероятно трудными. Сказалось не столько яростное сопротивление немцев (оно было и в последующих схватках), сколько наша солдатская неопытность.

Я, к примеру, провоевал всего полсуток — в ночь на 28 июля меня ранило в руку. В госпитале ругал себя последними словами, называл никудышным мальчишкой за то, что позволил себя одурачить какому-то фрицу. Я забыл, что до того, как меня ранили, мне удалось из своей снайперской винтовки уложить шесть фашистов.

Рана быстро зажила, и я возвратился в родной батальон. Был удивлен, когда мне присвоили звание сержанта, дали отделение совсем молоденьких ребят из пополнения и сказали: «Обучай...»

В мартовском наступлении сорок четвертого года, когда мы захватили станцию Волочиск, мне пришлось заменить командира взвода.

Мы занимали оборону у дороги. Кончились гранаты и бутылки с горючей жидкостью, а к нашим окопам приближались шесть немецких танков с десантом. Вижу: у некоторых новичков дрожат руки, в лицах — ни кровинки. И я волнуюсь: повлияет ли мое слово комсорга роты и молодого взводного на этих ребят?

— Занять огневые позиции в доме! Стены кирпичные, толстые — «тигры» сюда не полезут. Бить по десантникам, а с «тиграми» наши танки справятся.

Мы нашли на ближнем складе ящики, заполненные железом, заложили ими окна, оставили щели для наблюдения и стрельбы. На стене написали: «Здесь стоят уральцы, комсомольцы-добровольцы».

Столько фашистских снарядов угодило в стену, что от надписи осталось два неполных слова, а бойцы не отходили.

Ребята из молодого пополнения доблестно выполняли свой воинский долг.

Гайфутдин Шахiev, перед боем принятый в комсомол, прикрывал ручным пулеметом переправу автоматчиков. Уже несколько солдат перешли реку, когда осколки вражеской мины врезались в голову Шахиева. Он продолжал стрелять и после второго ранения.

Костя Верховых. Самый маленький из автоматчиков роты лейтенанта Добровидова. Цепь фашистов приближалась к его окопу — Костя стрелял из автомата, отбивался гранатами, пока фашисты не отказались от атаки в лоб. Когда двум отделениям врага удалось его обойти, он попросил товарища из соседнего окопа прикрыть его с фланга и, забравшись в амбар, где хранился уголь, через окна увидел: гитлеровцы пробираются по тракторному парку меж машин. Понял — окружают. Выполз из амбара и открыл такой меткий огонь, что лишь одному офицеру посчастливилось удрать. Кинулся было за ним, а тут из-за угла амбара — лейтенант Добровидов. Увидел измазанного углем бойца, раскричался:

— Почему не в окопе?!

Костя слова не мог произнести.

— В уголь от противника зарываешься?..

От обиды Костя разревелся.

— Еще и слезы, — возмутился офицер, — чего ревешь?

— Один убежал...

— Вижу, что ты один убежал. Марш на место!

— Да не я!..— Костя показал на трупы и кинулся в свой окоп. Лейтенант насчитал 14 убитых солдат противника.

Батальону автоматчиков гвардии майора Бендрикова везло на настоящих вожаков.

Комсоргом батальона был у нас бывший прокатчик Верх-Исетского завода, доброволец, молодой коммунист Вадим Очеретин — ныне писатель. Среди молодых воинов Вадим пользовался большим авторитетом.

На ходу в боях мы выпускали листовки — «молнии». Любое проявление храбрости солдатского мастерства находило отражение в листовках. Только останутся танки, как с одного на другой уже передаются десанникам и танкистам написанные Очеретинным и его активом «молнии».

Смелым, находчивым, никогда не унывающим был комсорг нашего батальона. Когда мы по понтонному мосту проскочили реку Нейсе и промчались на танках проселочной дорогой, головная машина провалилась в подготовленную немцами волчью яму. Остановились машины, чтобы выручить свой танк. Этого немцы и ждали: из леса повели такой автоматный и пулеметный огонь — голову не поднимешь. Вадим не растерялся: спрыгнул с танка и к лесу, мы за ним. А в лесу у противника окопы, землянки, должно быть, немцы надеялись здесь продержаться долго. Мы их гранатами выбили, да не всех. Уцелевшие открыли огонь, и пуля попала Вадиму в ногу. Комсомольцы на руках вынесли своего вожака к танкам, а когда его отправили в медсанбат, замполит Татарченко тут же вызвал меня: «Принимай батальонный комсомол».

Вскоре Вадим возвратился из госпиталя, и я опять — на роту.

С отцовской любовью относился к солдатам наш комиссар, начальник политотдела бригады гвардии подполковник Скоп. Принял нас в Свердловске и вместе с командирами довел до самой Праги. В боях он был с нами на танках. Однажды горючее воспламенилось, и его очень сильно обожгло. «В госпиталь», — сказали врачи.

— Нет, идет наступление — потом, может быть... — ответил им Илья Исаевич и, перебинтованный так, что одни глаза виднелись, оставался в строю. Кажется, раны его так и зажили в боях, а не в госпитале.

Добровольцы подходили к нему запросто, делились и радостью и горем. Придет солдату письмо, что-то дома нехорошо. Скоп сразу же пишет на Урал, чтобы помогли семье воина. И вскоре смотришь: солдат заулыбался, благодарит начальника политотдела.

Часто приходил он на батальонные комсомольские собрания. Побалагурит до начала собрания, поговорит с ребятами, а на нем выступит серьезно, дельно, и многое непонятное становилось ясным.

И гвардии капитан Татарченко, и секретарь парторганизации Прохоров были схожи со Скопом, заботились, чтобы комсомольцы росли и вели за собой молодежь.

Помни их, молодой друг!

ПАВЕЛ ЛОГИНОВ

Двести добровольцев ушло с Уралмаша в Уральский добровольческий танковый корпус. Один из них — технолог по сварке Павел Петрович Логинов. За доблесть и мужество, проявленные в боях, Павел Петрович награжден орденами Славы III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями.

После победы — опять Уралмашзавод. Под руководством инженера Логинова разработаны технологические процессы изготовления сварных узлов гусеничных и шагающих экскаваторов, обжиговых, буровых и других современных машин. Павел Петрович Логинов — почетный гражданин Волочиска, ветеран труда завода, почетный уралмашевец.

Заводская молодежь нередко просит ветеранов рассказать о добровольцах с Уралмаша, о боевых подвигах гвардейцев Уральского танкового корпуса. С кого начинать? Что отобрать из множества эпизодов, чтобы остался след в душе заводских ребят?..

Когда речь заходит о массовом стремлении уралмашевцев в корпус, я вспоминаю прежде всего героев, погибших за свободу и независимость Родины: кузнеца Илью Толстоногова, фрезеровщика Федора Юрьева, токаря Владимира Филимонихина, многостаночника Михаила Нюхалова, который заявил комиссии по отбору добровольцев: «Мы делали самоходные установки, на них и воевать будем».

Коммунист Илья Прокопьевич Толстоногов. Ветераны завода прекрасно помнят его, веселого гармониста, зачинателя славных стахановских дел в кузнечно-прессовом цехе. Здесь он вступал в партию. Здесь первым подал заявление с просьбой зачислить его в Уральский добровольческий танковый корпус.

Совсем не просто было ему покинуть старенькую мать, потерявшую тринадцать своих детей, — он последний, четырнадцатый, оставался единственной ее отрадой. Нелегко ему было расстаться с двумя дочками-малютками, с любимой женой, работницей того же кузнечно-прессового цеха. Но он считал долгом молодого человека, долгом коммуниста драться за их свободу и счастье с оружием в руках.

Руководство цеха не хотело, возможно, и не могло отпустить с производства мастера Толстоногова, а он пришел в партком завода и сказал непреклонно: «Я не могу не отправиться на фронт — совесть замучает...» И не уходил из парткома целый день, пока на его заявлении не написали: «Принять».

Много было схваток с врагами, но чаще вспоминается самый, пожалуй, для нас тяжелый бой во Фридриховке. Самоходные орудия нашей батареи пришли туда, после того как танкисты-свердловчане и мотострелки с боем ворвались в поселок и уже отбивали ожесточенные контратаки противника.

Командир нашего экипажа лейтенант Денискин ушел в штаб, а мы с наводчиком Макаром Бурмистровым и заряжающим Сергеем Кобзевым быстро сгрузили ящики со снарядами, прихваченными про запас, сверх боевого комплекта. Машину загнали в кусты возле пустующего дома. Замаскировали ее ветками и

комьями грязного, таявшего снега. Вернувшись, командир рассказал, что две батареи нашего полка понесли значительные потери. Погибли командиры самоходки Казаковцев, наводчик Бочаров, заряжающий Филиппов. Из экипажа уцелел только механик-водитель Василий Спиваков, да и он сильно обгорел.

Вскочив в самоходку, смотрю в полуоткрытый люк. Горит машина старшего лейтенанта Романенко. С другой стороны дома раздался взрыв, и оттуда выбежали в дымящейся одежде лейтенант Юхтенко и двое бойцов его экипажа. А наш Бурмистров увидел метрах в шестистах ползущего по кустам «тигра».

Вражеские танкисты, видимо, тоже заметили нас и стали разворачивать башню в нашу сторону. Бурмистров опередил их: метко послал снаряд — «тигр» загорелся. Тогда открыл огонь другой танк противника. Задним ходом увожу машину в огород, за дом. А там еще «тигр», который не заметил нас: Бурмистров всадил в него два снаряда подряд.

...Вторая ночь. Наша самоходка притаилась на тротуаре у большого дома на перекрестке. На другом углу — самоходка командира полка, наводчиком в ней — снайпер орудийного огня Виктор Мелегов. Ждем. В полночь к нам пробрался автоматчик, предупредил:

— «Тигры»!

Сказал — и исчез. До боли в глазах всматриваемся в ночную мглу, вслушиваемся в звуки на дальних улицах. И все-таки вражеские танки появились внезапно: используя значительный уклон дороги, они прошли на приглушенных моторах. Из-за угла выполз один танк, за ним — второй, третий, четвертый...

— Стреляй! — кричу я Бурмистрову, а он уже торопливо крутит рукоятку прицела. С выстрелом Бурмистрова слился выстрел Мелегова с другого угла. Два снаряда одновременно ударили во вражеский танк. Остальные «тигры» поспешили скрыться.

Перед рассветом нашу машину в числе других спешно перебросили на другую окраину. Вражеские танки, пропустив нас в темноте, внезапно, как только посветлело, атаковали нас. Отвечая огнем, мы стали отходить к большому зданию. Они погнались было за нами, но один из них запылал, два других остановились с разбитыми гусеницами. Вспыхнула и одна из наших самоходов, в ней погиб токарь с Уралмаша механик-водитель Федор Гершов.

Четыре дня и четыре ночи отражали мы танковые атаки противника. Связь с полком держали по радио и через посыльных. Один из них рассказал о делах Виктора Мелегова. Он подбил три фашистских «тигра». Вражеский снаряд ударил в его самоходку, разбил прицел у орудия. Механик-водитель Мордыкин быстро увел машину за ближайший дом. Виктор Мелегов и с разбитым прицелом продолжал вести бой. Маневрируя меж зданиями, его самоходка подкралась к вражескому танку, и Мелегов, целясь прямо через ствол орудия, метким выстрелом сжег его.

Так воевали гвардейцы Уральского добровольческого. Помни их, молодой друг!

Бессмертный подвиг коммунистки Гордиевич

НИКИФОР СЕМИКОЛЕННЫХ

Никифор Васильевич Семиколенных, окончив в Свердловске медицинский раб-фак и три курса мединститута, добровольно вступил в Красную Армию и в 1941 году закончил Военно-медицинскую академию. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней, он был назначен корпусным врачом Уральского добровольческого в декабре 1943 года.

За успешное выполнение задач по медицинскому обеспечению частей, за личное мужество награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды дважды, многими медалями.

Галина Гордиевич родилась в Виннице 14 марта 1920 года. Она погибла под пытками гитлеровцев невдалеке от родного города, в деревне Петровка, 14 марта 1944 года.

Яркая, как вспышка на солнце, жизнь!

Комсомолка, студентка философского факультета МИФЛИ, Галина Гордиевич мечтала о преподавательской и научной работе в родной Виннице, отлично училась, успевала заниматься музыкой, художественной литературой, спортом.

Ее тревожило положение в мире. «Над страной собираются тучи»,— говорила она и поступила на двухгодичные курсы медицинских сестер, которые окончила в июне 1941 года.

В первый же день войны Галина идет в военкомат и просит послать ее в действующую армию— просит непреклонно и добивается своего. Вместе с солдатами фельдшер Гордиевич испытала всю горечь отступления. В 1942 году под Сталинградом ее приняли в партию.

В одном бою Галина была тяжело ранена в ногу.

После госпиталя Галину Витальевну Гордиевич направляют в Уральский добровольческий танковый корпус фельдшером медсанзвода мотострелковой бригады. Под Брянском она была вторично ранена, но от эвакуации отказалась, лечилась тут же, не прерывая работы. Галину наградили орденом Красной Звезды.

Когда бригада находилась в Брянских лесах, лейтенант медицинской службы Гордиевич попросила перевести ее фельдшером батальона.

Она была назначена в 1-й батальон мотострелковой бригады. Врач батальона старший лейтенант медслужбы Щербаков категорически возражал против назначения Гордиевич. Он считал, что такой хрупкой девушке в батальоне работать невозможно. Впоследствии Борис Андреевич понял, как он ошибался.

Март сорок четвертого. Двое суток пешего перехода без сна и отдыха— никто не слышал от Галины ни вздоха, ни жалоб.

Фридриховка. Медицинский пункт развернули в деревянном бараке. В связи с тем что пехоте и танкам противника удалось просочиться в поселок и отрезать гарнизон Фридриховки от остальных частей корпуса, стало невозможным эвакуировать раненых в тыл.

На четвертые сутки боя на батальонном медицинском пункте, возглавляемом Щербаковым, оказалось около двухсот пяти-

десяти раненых. Самоотверженное отношение к делу показала в те дни Галина — трудилась по 20 часов в сутки.

Когда противник был отброшен от Фридриховки и наши мотострелки освободили деревню Петровка, часть личного состава медицинского пункта, возглавляемая фельдшером Гордиевич, осталась с 50 ранеными в этой деревне. Оказав необходимую медицинскую помощь, Галина ждала прибытия транспорта для эвакуации раненых в медсанвзвод бригады. На случай поступления новых раненых из села Тарноруды Галина вместе с санитарным инструктором Е. А. Никифоровой, санитаром В. А. Шевелевым и легкоранеными подготовила места в подвале дома.

14 марта в Петровку ворвались фашистские танки и пехота. Горсточка гвардейцев встретила их гранатами, автоматным и пулеметным огнем. Галина воодушевляла раненых бойцов, взяла на себя руководство боем. Немецкие автоматчики под прикрытием танков приближались к дому.

— Мы стояли насмерть,— вспоминает бывший старший сержант Николай Васильевич Эргард, ныне колхозник артели имени Ленина Волочического района, чудом оставшийся в живых.— Добровольцы схватились с эсэсовцами. Несколько десятков забинтованных, окровавленных бойцов из окон, с крыльца и из ближайших укрытий вели огонь по противнику. С автоматом в руках Галина появлялась там, где было тяжелее всего. Меткими выстрелами она заставляла фашистов откатываться. Так длилось несколько часов. Пуля сразила санитаря Шевелева. Смертельно раненная, упала санинструктор Никифорова. Меня полоснула автоматная очередь, и я потерял сознание.

Позже выяснилось, что фашисты ворвались в дом, в упор расстреливали раненых. Они схватили Галину. Истекающую кровью девушку истязали, выламывали руки, кололи штыками.

Когда противник был выбит из Петровки, в село вернулись жители. 15-летний Павел Павенский, ныне заведующий фермой в колхозе, вошел в свой дом, где размещался медицинский пункт.

— Меня охватил ужас,— вспоминает Павенский.— Среди обломков мебели, посуды, штукатурки лежали убитые бойцы. А на моей кровати—исколотая штыками девушка. Фашисты вырезали на ее теле кресты.

Сама смерть Галины Гордиевич рассказала о ее бессмертии.

...Тихо на братской могиле в селе Тарноруды, где похоронены гвардейцы-уральцы. Среди них покоится коммунистка Галина Гордиевич. Тает ли снег в раннюю весеннюю пору, идет ли дождь—с обелиска падают на могилу тяжелые капли, словно слезы матерей.

Чтут память Галины Гордиевич и в столице нашей Родины, откуда она добровольцем ушла на фронт. В Московском университете имени Ломоносова имя Галины Витальевны Гордиевич золотыми буквами высечено на мемориальной доске.

Наш комбат

НИКОЛАЙ ЯНЕНКОВ

Доброволец из депо Дружинино, машинист паровоза Николай Александрович Яненко стал в Свердловской бригаде превосходным механиком-водителем танка Т-34. Его боевые дела отмечены высокими правительственными наградами: орденом Красного Знамени, четырьмя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды. Герой Советского Союза Владимир Марков подарил Яненко свою фотографию, на обороте которой написал: «Лучшему из лучших механику-водителю танка Яненко Николаю от командира батальона Владимира Маркова. Твои боевые дела, Коля, навечно войдут в историю части». За самоотверженный труд Николай Александрович Яненко награжден медалью «За трудовое отличие».

Еще недавно наш фронтовой командир Василий Николаевич Никонов приезжал из Челябинска в Свердловск, и мы радовались, глядя на веселого друга. Он мало изменился, наш дорогой комбат. Такой же, как прежде, оставалась его приземистая фигура, так же смотрел он на нас влюбленно, так же подковыристо-шутливо рассказывал о делах глуховатым голосом. Но сказались фронтовые раны, а возможно, и послевоенная перегрузка — Василий Николаевич был заместителем директора Свердловского подшипникового завода, а затем — одним из руководителей крупного строительного управления в Челябинской области и, как на фронте, весь отдавался своим обязанностям. Так или иначе, но его нет уже среди нас — безжалостная смерть оборвала жизнь нашего старшего товарища и боевого друга.

Я водил танк комбата Никонова и хорошо знаю, каким он бывал в тяжелейших передрягах.

21 марта 1944 года батальон двигался как передовой отряд в направлении на Новосюлки, Городницу и Остапе. Головным шел наш танк, и вдруг — сильный орудейный огонь из леса.

— Включай четвертую, Коля! — скомандовал мне Никонов и радировал остальным: «Продолжаем выполнять задачу. На полном газу проскочить зону огня!»

Лавируя между хатами, «тридцатьчетверки» на высокой скорости миновали опасную зону и через несколько минут ворвались в Новосюлки. Вражеские солдаты разбежались. Батальон двинулся дальше, на Городницу. Уже близко от нее, на возвышенности, появилось четырнадцать вражеских танков. Никонов на ходу развернул машины, и мы, не снижая скорости, пошли на сближение. Не успел противник изготовиться к контратаке, как был атакован нами. Его «пантеры» расползлись по полю и открыли огонь. Тут скорость «тридцатьчетверок» сыграла свою роль — снаряды ложились позади наших танков. Мы открыли огонь и зажгли четыре гитлеровских машины.

Вражеские танки поспешно отступили в Городницу. Но задержаться в населенном пункте им не удалось: слишком сильным был натиск батальона. Машины Маркова, Побединского, Иванова, Торопчина ворвались на улицы. Загорелись еще два танка противника. Остальные, отстреливаясь, стали улепетывать. Но скорость и маневренность наших танков гораздо выше.

Вот-вот «тридцатьчетверка» настигнет ближнюю к нам «пантеру» — и протаранит ее. Гитлеровцы на «пантере» не выдерживают. Она останавливается на перекрестке, и из люка машины машут белым платком. Четыре танкиста сдались в плен.

Дальше двигаться нельзя — противник открыл сильный заградительный огонь и по окраинам Городницы, и в центре ее. Майор Никонов решил подождать вечера, чтобы артиллерия выдохлась и нашим танкам стало легче действовать. И впрямь с наступлением темноты огонь уменьшился, и мы на максимальной скорости выскочили из Городницы и достигли местечка Остапе.

Той ночью комбат не давал отдыха ни себе, ни нам. Чувствовал: немцы будут контратаковать, надо успеть заправиться горючим, произвести осмотр, ремонт танков. И успели к утру. Когда разведчики донесли, что немцы готовятся к удару на Остапе, Никонов опередил их — батальон атаковал узел сопротивления южнее местечка. Бой шел с нашим преимуществом. Противник бросил в обход две самоходки и полторы сотни кавалеристов. Самоходки сожгли мы, а кавалеристам не дали уйти танкисты другой бригады корпуса.

...В этом, как и в других боях, майор Никонов действовал решительно и дерзко, воевал с уральским огоньком и напористостью. Таким он останется в памяти друзей-фронтовиков навсегда.

Второй мощный удар

АЛЕКСАНДР ЛОЗОВСКИЙ

Полковник Александр Борисович Лозовский был назначен начальником штаба Уральского добровольческого танкового корпуса в феврале 1944 года. Всесторонне образованный кадровый офицер Советской Армии, человек высокой культуры и личного обаяния, он внес в штабную работу предельную организованность и четкость. Под его руководством были разработаны планы важных операций корпуса, в том числе и Каменец-Подольской, о которой автор пишет в своих воспоминаниях.

После войны генерал-майор танковых войск А. Б. Лозовский работал много лет в Министерстве обороны Союза ССР. Сейчас — в отставке. Живет в Москве.

Второй мощный удар уральских добровольцев по врагу после удара под Орлом был на Каменец-Подольском направлении.

С рубежа Гримайлова командующий 4-й танковой армии генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко нацелил Уральский танковый корпус непосредственно на штурм Каменец-Подольского.

Город еще находился в глубоком тылу противника. Чтобы его достичь, нам предстояло пройти с боями в так называемой оперативной глубине многие десятки километров и освободить ряд крупных, основательно укрепленных врагом населенных пунктов.

Командир корпуса генерал Евтихий Емельянович Белов принял решение: наступление на Каменец-Подольский вести тремя бригадами — Челябинской и Свердловской танковыми и Унечской мотострелковой, усиленными другими частями корпуса.

Ранняя весна затрудняла движение машин, действия гвардейцев. Началось половодье. Балки и овраги заполнились водой. К тому же корпус, проведя с 5 до 20 марта напряженнейшие бои, понес значительные потери в людях и технике. Сопротивление противника нарастало. Его пехотные и танковые соединения все чаще, при поддержке авиации, переходили в контратаки. Нашим бригадам поэтому пришлось задерживаться при отражении контратак и ликвидации опорных узлов сопротивления. И все же наступление шло стремительно, в соответствии с планом операции.

Утром 25 марта бригады уже были на подступах к Каменец-Подольскому. Однако ворваться в город с ходу не удалось, противник оказал сильное сопротивление, в особенности на рубеже реки Смотрич.

В этот момент мы с командиром корпуса и оперативная группа штаба находились в Ориanine.

Генерал Белов поручил мне срочно направиться в бригады, чтобы на месте уточнить задачи комбригам по организации планомерного штурма Каменец-Подольского.

Около десяти часов утра в район хутора Козак по моему вызову прибыли командиры бригад или их заместители. Поднявшись на высоту, с которой просматривался Каменец-Подольский, мы наметили план атаки и уточнили задачи бригад на местности.

План состоял в следующем.

Унечская бригада с минометным полком овладевает Каменец-Подольским с запада. Форсирует реку Смотрич правее и левее Турецкого моста. Одновременно захватывает этот мост и удерживает его.

Свердловская бригада врывается в город через Турецкий мост, а также использует брод и совместно с Унечской бригадой овладевает Каменец-Подольским с запада и севера.

Челябинская бригада своим мотострелковым батальоном форсирует реку Смотрич, ищет брод для танков и наносит удар по городу с юго-запада, остальными силами прикрывает со стороны Должка части корпуса, штурмующие город.

Частью сил 16-й механизированной бригады 6-го мехкорпуса намечалось атаковать город с севера, а 49-й механизированной бригадой этого же корпуса — с юга.

Пермская танковая бригада имела в это время задачу оборонять Гусятин до подхода общевойсковых соединений и являлась резервом командующего 4-й танковой армии.

Чтобы командиры бригад имели немного светлого времени на организацию взаимодействия и подготовку атаки, она намечалась на 17 часов.

Намеченный план атаки был утвержден командиром корпуса.

Точно по плану, после десятиминутной артподготовки, начался штурм Каменец-Подольского.

Мотострелковая бригада успешно форсировала реку Смотрич у Турецкого моста и к 20 часам захватила плацдарм в Старом городе. Сразу же после захвата и разминирования моста по нему и обнаруженному броду устремились танки Свердловской и Челябинской бригад.

До утра 26 марта кипели уличные бои по очищению Нового города. И сейчас, через тридцать шесть лет, перед моими глазами усталые, измотанные боями, но радостные, мужественные лица моих дорогих однополчан, уральских добровольцев, и ликующие толпы горожан, встречающих освободителей.

Вскоре в город прибыл командарм Лелюшенко. Стало известно, что большие силы проскуровской группировки немцев движутся на Каменец-Подольский, видимо, не столько с целью оказать помощь своему разгромленному здесь гарнизону, сколько для прорыва через город на запад и на юг, за Днестр. Командарм потребовал от нас, чтобы оборона города была круговой и жесткой.

Командарм намерен был перевести в Каменец-Подольский штаб 4-й танковой армии, но к вечеру 26 марта обстановка резко изменилась, дороги на город с запада и севера оказались перехваченными танками противника. Командарм все же успел, правда, не без осложнений, проскочить в Оринин.

В течение недели в тылу у противника, в далеком отрыве от общевойсковых соединений фронта, уральские танкисты во взаимодействии с частями 6-го мехкорпуса и 121-й стрелковой дивизии мужественно отражали атаки крупных вражеских сил.

Лишившись путей подвоза, осажденный гарнизон испытывал недостаток в боеприпасах и горючем для танков. Мало было у нас и противотанковых средств.

По призыву начальника политотдела полковника Ильи Федоровича Захаренко и заместителя командира корпуса полковника Петра Дмитриевича Белова — опытнейшего воина, прошедшего с уральскими добровольцами весь их боевой путь, трудящиеся Каменец-Подольского на заводах и в мастерских изготавливали средства противотанковой борьбы, а многие каменчане с оружием, захваченным у врага, становились в ряды защитников города.

Основную тяжесть обороны города несли, конечно, наши прекрасные солдаты и закаленные боями командиры. Много потрудились и офицеры штабов всех ступеней.

Связисты штаба корпуса и бригад под руководством начальника связи полковника Василия Даниловича Фокина обеспечивали нам постоянную телефонную связь с бригадами и частями корпуса, а с командармом Лелюшенко — связь по радио.

Четко работали штабы бригад, операторы штаба корпуса, бригадные и корпусные разведчики. Штаб корпуса всегда имел полные данные о противнике, обеспечивал управление командиром корпуса.

В самоотверженной борьбе уральские добровольцы во взаимодействии с другими частями отстояли город.

3 апреля с востока в Каменец-Подольский вошли общевойсковые соединения фронта и наш корпус выступил из города для выполнения боевой задачи на новом направлении.

Штурм Каменец-Подольского

ИВАН ЗАИКИН

С февраля 1942 года восемнадцатилетний Иван Заикин — курсант Орловского танкового училища. С момента организации корпуса — командир танка, а вскоре — взвода Свердловской танковой бригады.

Отличился в боях на Орловщине и Брянщине, за Каменец-Подольский и в Львовской операции. Здесь он был тяжело ранен.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, многими медалями.

Иван Лукич Заикин после войны работал председателем сельсовета. Окончил торговый техникум и четверть века работает в системе курортторга в Железноводске. Член Железноводского горкома КПСС. Председатель совета ветеранов нашего корпуса на Статропольщине.

Движение танков Свердловской бригады по тылам врага к городу Каменец-Подольский было быстрым и неожиданным для противника. Помнится, как мы 23 марта влетели в городок Густятин. На вешалке в кабинете начальника железнодорожной станции остались немецкие генеральские шинели, на столах стояла закуска и еще горячий суп. Присели уральские танкисты, отведали генеральскую пиццу и — дальше на юг.

24 марта ворвались в населенный пункт Почапинцы, с ходу разгромили штаб 7-й танковой дивизии противника. Еще несколько часов прошло, и мы овладели населенным пунктом Жердь, километров в шестнадцать от Каменец-Подольского.

Мы подвергались непрерывным атакам фашистской авиации. В Жердье вражеские самолеты житья нам не давали. Немецкие летчики гонялись за каждым танком. Много наших танков сгорело во время бомбежек.

Вечером комбриг Жуков собрал нас, поставил боевую задачу:

— С зажженными фарами двигаться на Каменец-Подольский! Головным — танк Заикина. Начальник передового отряда — комбат Айвазов!

Из Жердье вышли, насколько мне помнится, пять наших танков и одна самоходка. Транспортных машин было много больше. Они тоже шли с включенными фарами — посмотреть издали, будто сотня танков движется.

Ночью бригада заняла предместье Каменец-Подольского — Зиньковцы.

Нам придали пять пушек, и в течение дня 25 марта мы и артиллеристы, часто сменяя позиции, стреляли по Турецкой крепости и по городу.

В 17.00 поступил приказ штурмовать Каменец-Подольский.

Три наших танка и одна самоходка двигались, прикрываясь стенами Турецкой крепости. Из подвалов выходили жители, с радостью встречали нас. Одного мы взяли в машину, чтобы показывал ближайший путь к Турецкому мосту.

Танк Владимира Зинченко шел левее нас. Он уже был на перекрестке дорог, возле поворота на спуске к Турецкой крепости, когда немецкая самоходка выстрелила в упор из засады. Танк разорвало. Мы открыли по самоходке огонь, отплатили за нашего боевого товарища. Немецкая самоходка была уничтожена.

А в это время саперы корпуса, с ними был и взвод Демиденкова из нашей танковой бригады, вступили на Турецкий мост. Они его разминировали под жестоким пулеметным огнем врага и проложили нам дорогу в город-крепость.

Первыми проскочили мост мой танк, танки Юдина и Москаленко, дальше шли самоходка, еще один танк и машины с минометами. Дистанцию между нашими машинами держали около трехсот метров, а дальше, на узких улицах старого города, стали действовать ближе друг к другу — так легче было пробиться через сотни транспортных немецких машин, подавить сопротивление врага.

Нас и смерть не берет...

Яков Давыдович Харди́ков был годами и опытом старше, чем первые Герои Советского Союза, получившие это звание в нашем корпусе.

С первых дней войны находился на фронте и приобрел немалый боевой опыт. Весной 1944 года командовал в Унечской мотострелковой бригаде огненным взводом.

Артиллеристы Харди́кова шли на штурм Каменец-Подольского в составе передового отряда корпуса. В километре от переправы через реку Смолитич гвардейцы наткнулись на оборону противника. Автоматчики роты старшего лейтенанта Козлова своим огнем отвлекли внимание немцев, а расчеты огневого взвода Харди́кова, увязая в грязи, на руках потащили орудия на прямую наводку. За шесть часов боя на окраине города артиллеристы Харди́кова уничтожили «тигр», три пушки, бронетранспортер, несколько пулеметов и минометов.

Ворвавшись вместе с танкистами и десанниками Свердловской бригады в город через Турецкий мост, артиллеристы стали пробиваться к центру и сожгли еще четыре танка, два захватили, уничтожили семь орудий, шесть бронетранспортеров.

Величайшую храбрость, стойкость, презрение к смерти проявили артиллеристы у железнодорожного вокзала, куда подошел немецкий эшелон с пехотой, а вскоре и танки противника. На этом участке остались три орудия расчетов Демидова, Шлыкова и Струихина да один пулемет с бойцами Гусаковым и Проненко. Договорились: два орудия бьют по танкам, третье орудие и пулемет — по пехоте. Едва успели приготовиться, как увидели про-

тивника. Хардилов позвонил по телефону командиру дивизиона:
— На нас идут семь «пантер» и до ста пятидесяти пехотинцев. На участке, кроме нашей батареи, никого.

Командир дивизиона велел действовать по обстановке. А минуту погодя Хардилова вызвал к телефону командир бригады полковник Смирнов:

— Ни шагу назад!.. Стоять насмерть! Передай это всем батареям.

А танки приблизились уже на двести метров. Одновременно началась оружейная дуэль. Три «пантеры» пошли в обход справа (батарея этого не заметили), а четыре — в лоб. Головную «пантеру» подбил сержант Демидов и упал тяжело раненый. Сержант Шлыков подбил второй танк и метким выстрелом поджег третий. Хардилов встал за орудие Демидова, когда четвертый танк был от него в полсотне метров. Снаряд Хардилова поджег и эту «пантеру».

На минуту пришло облегчение. Много вражеских пехотинцев было убито, другие залегли. Но тут внезапно появились с фланга три «пантеры». Одна раздавила орудие Михаила Струихина.

Хардилов с бойцами расчета Демидова повернул орудие и поджег танк, со вторым расправился расчет Шлыкова, но и его пушку разбили.

У единственного орудия остались четыре гвардейца. Хардилов — за наводчика. Щит орудия разбил снаряд, осколками убило заряжающего, Хардилова ранило в голову и руку. Но когда гусеницы последнего из семи фашистских танков напоззали на орудие, Хардилов успел выстрелить в него в упор.

Придя в себя в походном медсанбате, Хардилов увидел Демидова, Шлыкова, Гусакова и других своих батарейцев, которых, как и его, спасли танкисты Свердловской бригады.

Прощальный салют комбригу Смирнову

НИКОЛАЙ АБРАМОВ

Подполковник в отставке Николай Иванович Абрамов — бывший прокатчик Надеждинского [Серовского] металлургического завода. Затем он — курсант школы имени ВЦИК, а после службы в армии — на руководящей партийной и советской работе.

В Уральском танковом корпусе был помощником начальника штаба мотострелковой бригады. Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, дважды орденом Красной Звезды и медалями. После Великой Отечественной войны работал в Свердловском облвоенкомате. С 1959 года — пенсионер.

29 марта в Каменец-Подольском было особенно напряженно. Но служба есть служба, и командир нашей Унечской мотострелковой бригады полковник Смирнов потребовал к себе на командный пункт документы для того чтобы, не задерживая, подписать приказы о награждении особо отличившихся.

— И поторопите майора Худякова — пусть немедленно представит наградную на батарейцев Хардикова.

Не успел я выйти из здания, как услышал гул самолетов и взрывы бомб. Меня нагнал сержант:

— Комбриг убит!

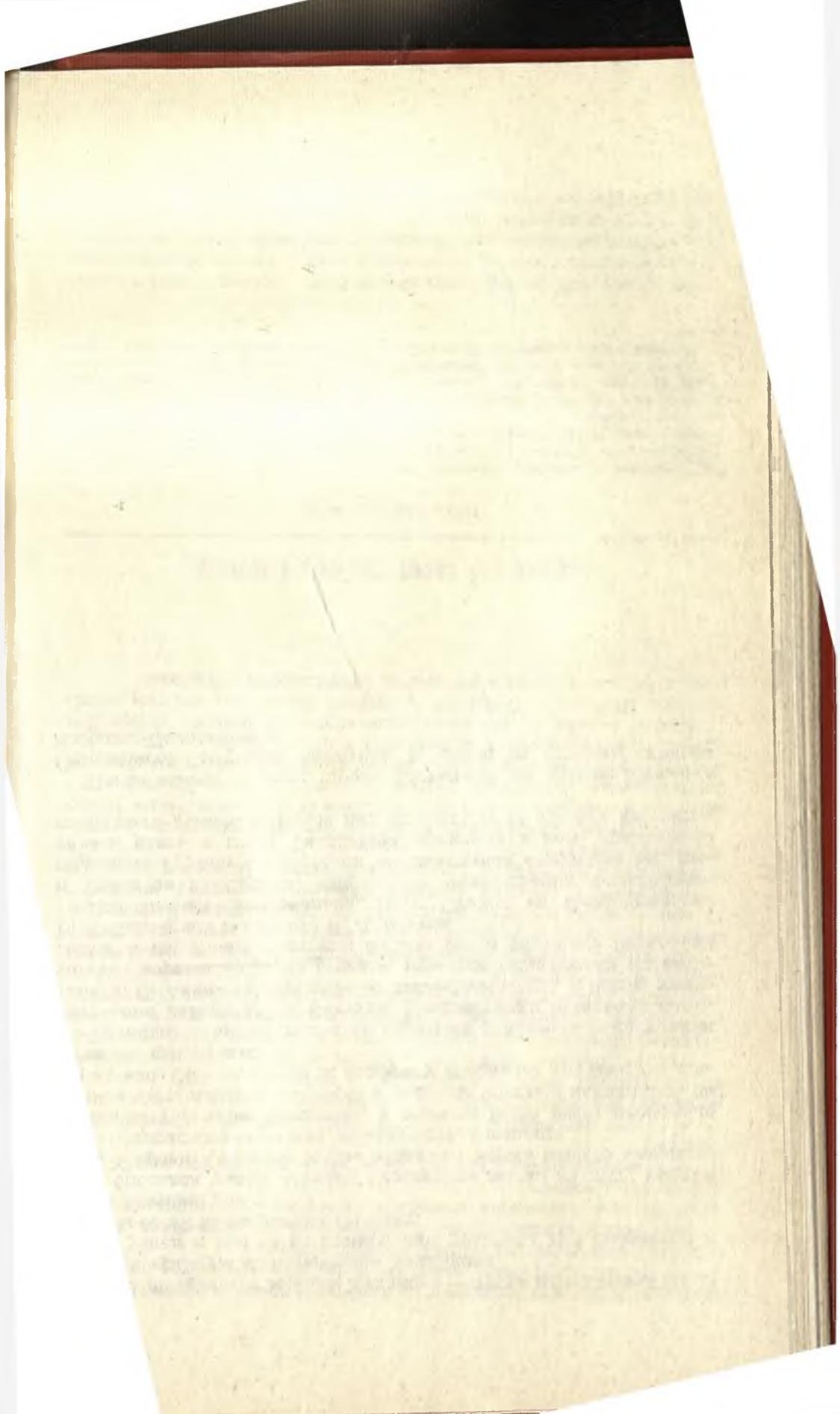
Я бросился назад. Михаил Семенович лежал на полу против окна в крови. Осколки бомбы оборвали жизнь нашего командира — прекрасного человека, коммуниста, товарища.

Когда хоронили Смирнова, у могилы было всего несколько воинов. Остальные командиры и солдаты бригады находились на передовой. Они салютовали комбригу грозными ударами по атакующим фашистам.

Тринадцать вражеских атак отразили у вокзала мотострелки батальона майора М. А. Савчука. Минометчики батальона капитана Т. С. Акишева стреляли до последней мины, а потом уничтожали ворвавшихся на огневые позиции гитлеровцев из автоматов и карабинов. Впереди бойцов были замполит батальона В. Д. Тараканов и парторг И. Л. Шутов.

Два связиста-добровольца, Петр Стахов из Первоуральска и Теленков из Серова, исправляли повреждения телефонных проводов. Группа фашистских автоматчиков окружила их, пыталась взять в плен. Гвардейцы, заскочив в дом, дрались до последнего дыхания. Возле них насчитали 23 убитых фашиста.

После войны жители города поставили на могиле Михаила Семеновича Смирнова памятник в одном из лучших скверов Каменец-Подольского.

УРАЛЬСКО ЛЬВОВСКИЙ ★

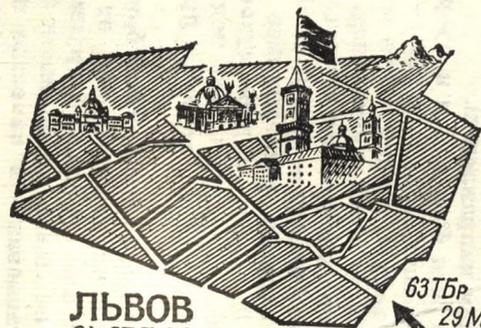
Летом 1944 года Уральский гвардейский добровольческий танковый корпус принял участие в наступательной операции 1-го Украинского фронта на Львовском направлении.

Корпус должен был войти в прорыв и, наступая в направлении Перемышляны — Бобрка, обходя с юга и запада, не допустить отхода противника от Львова на запад и юго-запад.

17 июля передовой отряд корпуса — Свердловская танковая бригада — вошел в город Золочев.

Тяжелые схватки развернулись за местечко Олышаница. Два раза за двое суток Олышаница переходила из рук в руки. При поддержке подошедших артиллеристов корпуса противник был отброшен.

В дальнейшем Свердловская бригада действовала на коммуникациях армии от Золочева до Львова, вела бои с бродской группировкой немцев, и путь на Львов продолжали пробивать Челябинская танковая — в качестве передового отряда — и Улечская мотострелковая бригады. Пермская танковая бригада совместно с 17-й мехбригадой 6-го мехкорпуса овладела городом Перемышляны, а затем участвовала в освобождении Львова.

Львов
21-27.7.44

К исходу 21 июля Челябинская танковая, Пермская танковая и Унечская мотострелковая бригады с тяжелым танковым полком корпуса ворвались на южную и юго-восточную окраину Львова и завязали уличные бои.

Исключительную смелость и умение проявили в городе танкисты и мотострелки, артиллеристы, саперы и разведчики — все уральцы, которым пришлось в течение недели вести суровые бои в отрыве от остальных сил корпуса и стрелковых соединений.

В 4-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» отмечена ведущая роль Уральского добровольческого танкового корпуса в освобождении Львова. Вот что мы читаем на странице 216:

«Наши бойцы и офицеры проявляли в этих боях массовый героизм и отвагу. Особенно отличились воины 10-го гвардейского Уральского танкового корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Е. Е. Белова.

Навсегда вошел в историю подвиг экипажа танка Т-34 «Гвардия» 63-й гвардейской танковой бригады. Командование поставило экипажу задачу прорваться к центру города и водрузить красный флаг на львовской ратуше. Танком командовал лейтенант А. Н. Додонов, вел машину механик Ф. П. Сурков, огнем из пушки дорогу расчищал башенный стрелок Н. А. Мельниченко. Радисту А. П. Марченко, хорошо знавшему город, было поручено указывать путь танку, а затем подняться на ратушу и укрепить красный флаг. 22 июля танк «Гвардия», действуя в составе своего подразделения, прорвался к центру города. Сурков подвел машину к самому подъезду ратуши. Марченко с группой автоматчиков, уничтожив вражескую охрану, ворвался в здание, поднялся на башню и водрузил на ней алый флаг. Гитлеровцы, увидев советское знамя, открыли ураганный огонь по ратуше и танку. При выходе из здания Марченко был тяжело ранен и через несколько часов умер. Шесть дней танк «Гвардия» вел бои в городе. За это время экипаж уничтожил свыше ста фашистских солдат и офицеров и сжег восемь танков врага. Наконец противнику удалось подбить советский танк. Лейтенант Додонов был убит, башенный стрелок Мельниченко и водитель Сурков тяжело ранены. По инициативе трудящихся Львова на улице Ленина на высоком постаменте установлен танк. Он напоминает о героизме советских воинов в борьбе с фашистскими захватчиками».

Общими усилиями подошедших войск 4-й танковой и 60-й армий в ночь с 26 на 27 июля город был полностью освобожден.

27 июля Москва салютовала войскам за освобождение Львова. Наш корпус стал Уральско-Львовским. Наименование Львовских получили также Свердловская бригада, 72-й тяжелый танковый полк, 359-й зенитный и 1689-й истребительно-противотанковый полки.

Части корпуса награждены:

Челябинская, Пермская бригады и 356-й самоходный артиллерийский полк — орденами Красного Знамени; Унечская бригада, 299-й минометный и 1689-й истребительно-противотанковый полки и

152-й отдельный батальон связи — орденами Богдана Хмельницкого; 248-й гвардейский отдельный минометный дивизион, 7-й гвардейский отдельный мотоциклетный и 131-й гвардейский отдельный саперный батальон — орденами Красной Звезды.

Свыше шести тысяч воинов корпуса были награждены орденами и медалями.

В дальнейшем корпус наступал на юго-запад, освободил город Самбор. Не давая противнику отходить на запад, загонял его в Карпаты.

В августе и сентябре корпус участвовал в отражении контратак противника за Вислой на Сандомирском плацдарме.

Зрелость

Высокого звания Героя Советского Союза удостоены пять бесстрашных воинов корпуса, отличившихся в боях за освобождение Львова. В их числе командир Челябинской танковой бригады Михаил Георгиевич Фомичев, танкисты этой бригады: механик-водитель Федор Павлович Сурков, командир взвода Дмитрий Мефодьевич Потапов, командир танка Павел Павлович Кулешов и командир мотострелкового батальона Унечской бригады Ахмадулла Хозеевич Ишмухаметов.

Челябинцы во главе с неутомимым комбригом Фомичевым в первый день наступления одолели 25 километров болот и лесов. Во второй день — 45 километров. И все это с боями! Километрах в тридцати от Львова пришлось преодолевать болота. Вопреки трудностям с поставленной задачей справились.

Передовой отряд, как ему и полагается, ворвался во Львов первым. Рядом были стрелки батальона гвардии майора Ишмухаметова, корпусные саперы и разведчики, могучие ИС тяжелого танкового полка, артиллеристы — истребители танков. Мотострелки, поддерживаемые огнем танков, выбивали из чердаков и подвалов зданий засевших там немецких автоматчиков и снайперов и расчищали вместе с саперами и разведчиками путь для танков.

Батальон Ишмухаметова, прорвавшись вместе с челябинскими танкистами к центру города, уничтожил из противотанковых ружей и гранатами три «тигра», шесть «пантер», четыре пушки, а автоматным и пулеметным огнем — более трехсот солдат и офицеров противника.

Раненный в голову, Ахмадулла Ишмухаметов продолжал командовать батальоном до полного освобождения Львова.

Зрелость участников войны с ее первых дней — Михаила Фомичева, Ахмадуллы Ишмухаметова, Дмитрия Потапова — сочеталась с бесстрашием юных гвардейцев, таких, как младший лейтенант Кулешов, старший сержант Сурков и другие.

На подступах ко Львову в разведку был выделен танковый взвод старшего лейтенанта Потапова. Принимая на себя первые вражеские удары, взвод потерял одну машину и продолжал выполнять боевую задачу двумя танками — Потапова и Кулешова. Во время короткой остановки в роще Потапов увидел в бинокль движущуюся по шоссе автоколонну под охраной танка. Переждать в роще, дать знать о противнике в батальон или самому с ним справиться, чтобы батальон ни на минуту не задержался?

Потапов завязал артиллерийскую перестрелку с вражеским танком, отвлек его внимание от Кулешова, а тот, зайдя во фланг, поджег танк и, ворвавшись в колонну, раздавил не менее двадцати автомашин.

На улицах города затруднился маневр для разведчиков-танкистов. Отовсюду били танки, орудия. На одном перекрестке из засады ударила «пантера». Потапову и Кулешову удалось на большой скорости проскочить мимо удачно замаскированного танка, но не оставлять же опасную «пантеру» живой! Гитлеровцы были застигнуты врасплох: не успели они развернуть орудие, как снаряды двух возвратившихся к ней «тридцатьчетверок» пробили ее башню и борт. «Пантера» загорелась.

Была еще успешная дуэль с несколькими пушками противника, а потом Потапов и Кулешов потеряли друг друга, нарушилась связь и со своим батальоном. К несчастью, горючее и боеприпасы были на исходе. Правда, к Потапову сумела проникнуть группа наших автоматчиков. Двое суток шел бой с «пантерами» и немецким батальоном. В конце концов гитлеровцам удалось поджечь «тридцатьчетверку» Потапова, второй раз ранить его, но смельчаки удержали до подхода батальона захваченные кварталы города.

Павлу Кулешову было, пожалуй, еще труднее. После того как он вывел из строя «тигр» и несколько орудий, его танк загорелся от попадания вражеского снаряда. Павел остался один возле сгоревшей «тридцатьчетверки» — израненный, обожженный. Больше суток, истекая кровью, отбивался он от врага и выжил, дождался своих.

О героическом подвиге добровольца механика-водителя танка «Гвардия» Федора Суркова сказано в предыдущей статье. Добавим только, что и, потеряв свой танк, тяжелораненый, Сурков продолжал сражаться.

Дмитрий Мефодьевич Потапов ныне работает в Москве. Павел Павлович Кулешов продолжает служить в Советской Армии.

Михаилу Георгиевичу Фомичеву вторично было присвоено звание Героя в нашем же корпусе за успешное руководство бригадой при штурме Берлина и освобождении Праги.

Во Львове

ТИТ КОНОНЕЦ

Тит Никитович Кононец служил в Пермской танковой бригаде с момента ее формирования. Воевал командиром танка, танкового взвода и роты. Удостоен многих боевых наград, в том числе ордена Красного Знамени. В боях был принят в партию.

После войны работал бригадиром в родном колхозе на Кубани, учился, а с 1952 года, в течение 18 лет, был главным агрономом колхоза имени В. И. Ленина. Ныне — заместитель председателя колхоза. За работу в колхозе награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд».

В ночь на 22 июля 1944 года наша бригада подошла к предместью Львова. Приняв все меры маскировки и простояв несколько часов в садах и огородах, мы с восходом солнца по приказу комбата подполковника Колупаева начали штурм юго-восточной части города.

Колонну комбат построил так: дозорный танк, за ним — машина командира роты старшего лейтенанта Каленова, затем танк комбата Колупаева, дальше наш танк, а за нами пошли остальные танки батальона.

Вскоре после того как колонна тронулась, вражеский снаряд поджег дозорный танк. Шедшие за ним командирские танки приняли влево и вправо. Оказавшись впереди, я командовал механику-водителю Федору Курбатову: «Полный вперед!» Увеличив скорость, мы проскочили мимо объятый пламенем дозорной машины и внезапно налетели на пушку — немцы ее перетаскивали через улицу, меняя огневую позицию. Я не успел даже сообразить, что случилось, как пушка вместе с расчетом была раздавлена.

На этой улице противника было немало, да к тому же часто налетали «юнкеры», сбрасывая на нашу колонну мелкие бомбы и обстреливая наших автоматчиков из пулеметов. В течение суток мы вели здесь бои с переменным успехом, наше продвижение было незначительным. А на следующий день, 23 июля, комбата Колупаева и меня вызвал на наблюдательный пункт комбриг полковник Денисов.

— Прорваться к центру города! — приказал он.

Впереди батальона, удалившись от него на два-три квартала, мчались два танка — наш и лейтенанта Олешко. Я стоял в полуоткрытой башне — иначе на узких улицах города противника не увидишь. Только свернули вправо, как впереди замелькали бронетранспортеры, пушки, немцы в касках и с автоматами. Одни в панике удирали, другие стали обходить меня и Олешко. Дальше двигаться нельзя — гитлеровцы окружили нас со всех сторон. Маневрируем, отбиваемся из двух пушек и четырех пулеметов. Вскоре в открытый люк танка Олешко из окон дома полетели гранаты — танк Олешко замер.

А немцы наседали, приближались и к нашему танку, разворачивали пушку на прямой выстрел в левый борт, но командир орудия Саха Прудник вовремя заметил это. Не ожидая моей команды, разнес пушку первым снарядом.

Снаряды у меня на исходе, подкрепления нет. Ясно стало: немцы отрезали нас от батальона. Рация не работает — сбита антенна. Как быть?

Продолжали бой, пока заряжающий Вася Черепанов не доложил, что остались три снаряда и два диска патронов к пулеметам.

Даю команду отходить. Зарядили пушку и пулеметы. Я взял в руки две гранаты и открыл люк. Мчимся на высшей скорости к батальону. Слева переполненный противником переулочек. С короткой остановки, с расстояния двухсот-трехсот метров выпускаем последние снаряды, и в переулочке все смешалось в кучу. Но откуда-то из-за поворота возникли и бегут наперерез моему танку два немца с фаустпатронами. Бросаю в них одну за другой гранаты, и мы вырываемся из кольца.

Когда завернули на улицу Зеленую, где находились танки батальона, Колупаев и Денисов не поверили глазам своим. Нас уже считали погибшими. Оказывается, экипаж убитого Олешко, выскользнув через десантный люк подбитого танка и добравшись до батальона, доложил, что мой танк сгорел вместе с экипажем.

Пока наш танк заправляли горючим и заполняли боеукладку снарядами и дисками, ребята несколько остыли от жаркой схватки и, как только командир батальона автоматчиков капитан Лысак запросил поддержки танкистов, старший лейтенант Каленов прыгнул на лобовую броню моего танка и приказал: «В бой!»

На этот раз нам не повезло. Я стоял в открытой башне. Вдруг в тот момент, когда танк повернул в одну из улиц, — взрыв, пламя. Я очнулся, когда уже задыхался от дыма и огонь жег мне лицо и руки. Собрав все силы, выжался на руках в люке и, вывалившись из него через голову, упал на мостовую и сразу же вскочил на ноги. Танк был охвачен огнем. Я кинулся помочь экипажу, но приблизиться к танку уже было невозможно. По мостовой растекался горящий газойль. Левая гусеница лопнула и, размотавшись, накрыла горящего Каленова, который был сброшен взрывной волной с лобовой брони.

В этот миг я увидел немцев, бегущих к танку. Выхватив пистолет, стреляя по врагу, отскочил к корме и скрылся в дымном облаке горящего газойля. Глаза не раскрыть. С рук слезла кожа. Обожженными руками я бил по охваченному пламенем комбинезону и старался вслепую пробиться к отставшим от танка автоматчикам.

И тут кто-то начал срывать с меня комбинезон. Подумал — конец, немцы... Но это был капитан Лысак. Он меня спас.

Батальон прорвался к остову танка, в котором сгорели Федя Курбатов, Саша Прудник и Вася Черепанов. Под почерневшей гусеницей — останки командира роты Каленова.

В 1974 году меня и других ветеранов-танкистов пригласили на праздник 30-летия освобождения Львова от гитлеровских захватчиков. Мы ходили по улицам прекрасного города, вспоминая однополчан, отдавших жизнь свою за его освобождение, за счастье людей, за мир на земле.

Сопровождая мотострелков

ИВАН СМИРНЯГИН

Иван Дмитриевич Смирнягин — доброволец из Дегтярского рудника служил в Унечской мотострелковой бригаде наводчиком, затем — командиром противотанкового орудия. За храбрость и умелое выполнение боевых заданий награжден четырьмя орденами.

После войны — самоотверженный труд на руднике и на Первоуральском новотрубном заводе. Здесь он был удостоен ордена «Знак почета» и медали «За трудовое отличие».

Дружба, тесное взаимодействие различных родов войск, составлявшие силу гвардейцев-уральцев, наглядно проявились в боях за Львов. В добром боевом содружестве действовали подразделения Унечской мотострелковой бригады.

Наша противотанковая батарея всю неделю битвы за Львов огнем и колесами обеспечивала продвижение мотострелков, уничтожая технику и живую силу врага.

Ничто не в силах было остановить наступательный порыв гвардейцев. Хотя приходилось с боем брать каждый дом, наша батарея вместе с мотострелками прорвалась в центр города.

Впереди была площадь, которую прикрывали три немецких танка и бронетранспортер. Автоматчики засели в домах и в здании театра. Комбат потребовал очистить путь мотострелкам.

Как это сделать скорее, лучше, с минимальными жертвами для нас и максимальными для противника?

Обходного пути не было. Слева — дома, каменная стена пожарного депо, впереди — немецкие танки, которые необходимо уничтожить. Хорошо, что нашим мотострелкам удалось к этому времени очистить пожарное депо от немцев, и мы решили проломить стену депо.

Так и поступили. Через пролом закатали пушки в депо, поставили против ворот, глядящих прямо на площадь. По команде раскырили ворота и открыли огонь сразу из всех пушек. Бронетранспортер и два танка были подбиты немедленно, третий сумел уйти. После этого мы открыли огонь по огневым точкам противника и подавили их.

Путь был открыт. Мотострелки заняли театр и пошли дальше. Взаимовыручка не раз спасала нас.

Свое орудие по льду Одера мы переправили на руках. Не успели на западном берегу хорошенько оборудовать позицию, как на нас двинулись десять танков, а за ними пехота.

Мои артиллеристы подожгли четыре танка, изготовились на пятый, но вражеский снаряд разбил наше орудие.

Выход один — стрелять из пулемета и автоматов по пехоте противника. Заставили ее залечь, отсекали от машин. А вот танки! Еще минута-две, и они будут корезить гусеницами нашу огневую.

Боевая дружба выручила и на этот раз. Два расчета противотанковых орудий нашей батареи, несмотря на сильнейший огонь врага кругом, пробились к нам и ударили по фашистским танкам. Еще два из них загорелись, а остальные повернули.

Мы били захватчиков на ИС-2

НИКОДИМ АНТОНИНОВ

В 72-м гвардейском Львовском тяжелом танковом полку (до февраля 1944 г.— 262-й ОТПП прорыва) свердловчанин Никодим Иванович Антонинов служил до конца войны на должностях старшего механика-водителя тяжелых танков и заместителя командира танковой роты по технической части. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени (дважды), Красной Звезды (дважды) и 14 медалями. 25 лет гвардии подполковник технической службы Антонинов прослужил в войсках Ленинградского военного округа, из них двадцать лет в штабе округа. Ныне — начальник отдела управления Главленавтотранс. Ударник коммунистического труда.

В марте 1944 года полк получил новые танки ИС-2. Сразу же после этого мы испытали их в деле. Совершив в спешном порядке двухсоткилометровый марш, полк вступил во встречный бой с противником в районе Коломыи.

В первые же минуты наводчик орудия нашего экипажа сержант Семен Леонов открыл счет в огневом поединке — подбил «фердинанда». Но вскоре в наш танк угодил фашистский снаряд-болванка. Никто из экипажа серьезно не пострадал. Оказались только сорванными болты крепления кулисы. В целом исправная, но лишенная рычага переключения передач, машина могла стать на поле боя беспомощной мишенью.

Во что бы то ни стало нужно было вернуть танку маневренность. Но о ремонте нечего было и думать. Пришлось вместо рычага использовать спецломик. Орудую им и молотком, я кое-как приспособился переключать передачи. Машина пошла. Продвигаясь от одного укрытия к другому, мы продолжали вести огонь и не отстали от товарищей.

В этом бою в полной мере проявились отличные качества ИС-2 и его вооружения. Наш экипаж уничтожил шесть танков и самоходных артиллерийских установок, несколько орудий и около сорока фашистов.

На следующий день мы отремонтировали свою машину, и она еще долго и надежно служила нам. Но товарищи не раз подшучивали надо мной: не забыл ли я взять с собой спецломик и молоток? Шутки шутками, но на войне действительно надо быть во всем предусмотрительным, быть готовым выйти из, казалось бы, безнадежного положения.

Осуществляя прорыв на Львов, передовой отряд полка натолкнулся на танково-артиллерийскую засаду. Ни развернуться всеми силами к бою, ни обойти опорный пункт мы не могли: кругом непроходимый лес и болота. Командир принял решение: одной роте тяжелых танков ворваться в деревушку и отвлечь на себя противника, дать возможность основным силам выполнить боевую задачу. Наши танкисты, ворвавшись на улицы населенного пункта, стойко вели неравный поединок.

Особенно удачно действовал экипаж лейтенанта Василия Швецова. Зная, что несколько машин роты подбито и поддерж-

ки ждать неоткуда, он продолжал крушить опорный пункт, внося сумятицу в среду оборонявшихся. Экипаж Швецова подбил три танка противника, но и сам попал под губительный огонь фашистов. Объятая пламенем и дымом машина в конце концов остановилась. Раненых танкистов подобрали товарищи. Позже, после излечения, Швецов вернулся в строй.

Полк пробился через деревню и вышел на штурм Львова.

На торжествах, посвященных 30-летию освобождения Львова от немецко-фашистских захватчиков, мне посчастливилось встретиться со многими фронтовыми товарищами. Мы побывали на местах боев. С особым волнением стояли у памятника танкистам. На высоком постаменте — побывавшая в сражении машина нашего полка. По рассказам местных жителей, она взята в той деревне, где отличился экипаж В. Швецова. Обгоревшую и поврежденную машину восстановили, и она заняла почетное место, навечно став памятником мужеству и доблести танкистов Уральского-Львовского добровольческого корпуса.

Сестренки

ЯКОВ РЕЗНИК

Должно быть, потому, что Мария Якушева была чуть постарше других девушек-добровольцев, или же по той причине, что она окончила медицинские курсы, — ее при формировании назначили старшиной медсанвзвода. Якушева гордилась и тяготилась должностью. Являются девчонки одна другой меньше, истощенней, как вот эти — с ее родного Уралмаша. Леночка Яковлева едва от пола поднялась. Тоня Андриевская и Аня Парфенова от худобы чуть ли не просвечивали. А вторая Тоня — Прожерина, хотя и плотнее да повыше подружек, но рыжие косички, как назло, торчат словно у маленькой.

— Кого вы привели, старшина? — удивился командир медсанвзвода. — У меня же не первый класс.

Тоня Андриевская подала было голос, но офицер прервал ее на полуслове, посоветовал девушкам возвратиться к отцам и матерям, пока вечер не застал их на окраине Свердловска.

Андриевская нахмурилась. Сказала тихим голосом:

— Моего отца убили в Сталинграде. Вы не возьмете — сбегу на фронт.

А Прожерина, та разревелась и сквозь слезы доказывала, что нельзя отказать ей и подругам — они комсомолки, уралмашевки и к тому же отлично окончили курсы санинструкторов.

И девушек зачислили в медсанвзвод.

...Нет-нет и услышишь среди ветеранов: «Помните санинструктора Августу Голикову?.. Пробралась сквозь шквальный огонь на наблюдательный пункт, нескольких раненых оттуда вынесла, а как поползла за последним, пуля подстерегла ее».

И встречные вопросы-воспоминания: «А Тоня Андриевская? А Леночка Яковлева?..»

В боях под Орлом Тоня полезла в горящую самоходку, вытащила израненного, опаленного механика-водителя Юдина, сама начала гореть, но товарища спасла. О ней хотели написать в газету, а она смущенно заявила:

— Зачем обо мне писать?.. Напишите об Аннушке Парфеновой. Осколки ей попали в грудь и в руки, бойцы настаивают: «Аннушка, выходи из боя», а она: «Сейчас... Мне еще одного перевязать надо...»

А о Леночке Яковлевой поведала ее отважная подруга санитаринструктор Миля Воронова, погибшая в бою под Зорау.

— Около Скалата загорелся танк Челябинской бригады. Не ее часть, а Леночка побежала спасать экипаж. До танка не дотянула — осколок ударил в сердце.

Часто между ветеранами заходит разговор об Антонине Прожеринной.

Санитарный инструктор броневой роты разведбата Прожерина находилась на опаснейшем участке — в роще у Фридриховки. Антонина перевязала и вынесла из рощи двенадцать человек, когда осколки вражеского снаряда раздробили ей бедренную кость и руку у локтя. Кто-то из разведчиков хотел помочь Антонине, а она кричит ему:

— Тащи других! Меня потом...

Вскоре «тигры» остановились в нескольких метрах от Прожеринной — она скатилась в окоп, потеряла сознание. Ночью, придя в себя, Тоня услышала над собой, возле окопа, голоса немцев. «Значит, наших нет...» — подумала она, едва сдерживая стон. Боль в ноге и руке была невыносимой.

На рассвете разведчики атаковали немцев в роще, прорвались сквозь сильный огонь «тигров» и минометов. Первым Тоня увидела над собой взволнованное лицо гвардии старшего лейтенанта Виктора Кожина.

— Рыженькая, миленькая, ты жива!

Прожерина вынесла несколько операций. Еще не оправившись как следует от ранения, вынужденная пользоваться костылями, она приступила к учебе в Свердловской фельдшерской школе и вскоре снова заняла место в трудовом строю.

...Служила в минометном полку санитаринструктором гвардии старший сержант медицинской службы Катя Баранова. Нежная и храбрая, красивая и целомудренная, девушка снискала уважение и любовь всех в полку!

Никто не видел ее унывающей. В бою сгорели ее косы, а она с улыбкой: «Отращу себе новые». Брови и ресницы тогда обгорели — нашла карандаш для окраски бровей и с той же улыбкой наводила брови. Однажды ее застали плачущей. Во время бомбежки сгорела машина, в которой находилась Катина шинель.

— Шинель! Моя шинель! — плакала девушка.

— Да что ты, Катюша? Шинель тебе достанем, — успокаивали ее.

— В кармане был карандаш. Совсем подходящий... Теперь останусь безбровая...

Бойцы рассказали командиру корпуса, как из-за одного штабника Катюшу обошли наградой. Генерал Белов возмутился.

— Обидчиков накажу. Скажите санинструктору Барановой, что в ближайшее время приколую ей орден.

Но комкор не успел вручить Катюше награду Родины. В один из дней, когда добровольцы пробивались ко Львову, два батальона немецкой пехоты атаковали огневые позиции второго дивизиона минометного полка. Отважно дрались гвардейцы, вместе с ними — Катюша. Раненная в плечо, она наклонилась к бойцу Пигузову, перевязала его и, не поддаваясь собственной боли, поползла к смертельно раненному солдату Щепину. В эту минуту к ней с автоматом навскидку подбежал гитлеровец.

— Катюша!.. Позади!.. — крикнул Пигузов, лишенный возможности стрелять. Катюша обернулась, схватила в ладони песок, кинула в лицо немцу. Но тот успел разрядить в девушку автомат.

О девушках, о женщинах Уральского добровольческого песни бы сложить светлые. И одну из них — о свердловчанке коммунистке Анне Алексеевне Квансковой!

Уже в сражениях под Орлом Анна Кванскова показала себя бесстрашной и неутомимой.

Батарейцы отбивали атаки немецких танков за селом Борилово. Кончились снаряды. Под вражеским огнем побежала Аня с бойцом Груздевым в овраг к машинам. Назад возвращались с двумя увесистыми снарядами. Близкий разрыв вражеского снаряда — Груздева ранило в голову, Аню откинуло в сторону. Превозмогая боль, поднялась, побежала к Груздеву, перевязала его, отнесла в окоп, и опять разрыв. Осколок рванул бедро Ани, а перевязать себя некогда — она спешила помочь тяжелораненому бойцу, которому осколок попал в живот.

За первые бои — орден Красной Звезды. Потом — уже в Свердловской танковой бригаде — заслужила ордена Славы III и II степеней. Была еще два раза ранена. Но не прошло и месяца после тяжелого ранения, как она снова в бою.

Бой под городом Зорау был последним для Квансковой. Вынесла раненых, возвращалась назад и видит — упал боец. Бросилась Аня к нему, стала перевязывать и вдруг пламя в глаза, острый удар в плечо. Потемнело вокруг. Не видела Аня, как оказавшийся рядом фашист поднял над ее головой нож... От смерти ее спас меткий выстрел нашего офицера.

Хирург госпиталя поразился: осколки проникли в мозг, перебиты позвоночник и ключица. Аня все вынесла. Живет в Свердловске, и когда убеленные сединой ветераны корпуса встречают Анну Алексеевну, в их глазах великая ей благодарность.

У наших славных однополчанок судьбы во многом сходны. В начале войны пошла добровольцем на фронт уралмашевка Полина Бурнашева. К дням формирования корпуса навевалась, кажется, досыта, несколько раз была ранена. И все же не угомонилась. Из госпиталя пришла на костылях к командиру корпуса генералу Родину. «У нас, милая девушка, не лазарет, мы в бой вот-вот пойдем», — сказал генерал. «У меня раны бы-

стро заживают. Не успеете сформироваться, как я буду годная».

И не пожалели командиры, что взяли Полину в корпус. Только в боях за освобождение Унечи она оказала первую помощь и вынесла из-под огня около ста раненых с оружием. В Новозыбкове ее тяжело ранило, думали — не сможет вернуться в строй. А Полина догнала корпус в Польше и участвовала в завершающих сражениях Великой Отечественной войны.

Мало кто (даже из ветеранов) знает о бессмертном подвиге 19-летней комсомолки Галины Селетовой, добровольца из Шагинского района Свердловской области.

Самые отчаянные головушки из роты автоматчиков старшего лейтенанта Пурвинского и те называли курносенькую Галину «храбрым дьяволенком». Можно лишь поражаться тому, как маленькая Селетова, взвалив на плечи тяжелораненых бойцов, переносила их на северный берег реки Нугрь, подальше от огня. Чистой любовью, рожденной испытаниями боев, любили солдаты и командиры свою белокурую сестренку. И как они радовались, когда на орловской земле Галя Селетову наградили медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды, когда она была принята в ряды партии.

В наступлении на Каменец-Подольский Селетова и другие санинструкторы рот были прикомандированы к медсанзводу мотострелковой бригады. Взвод отстал от батальонов и рот. В местечке Чемировцы на него неожиданно наскочила прорывающаяся на запад немецкая колонна. Вражеские автоматчики окружили медиков. Схватка была неравной и жестокой. Силы сопротивляющихся медиков таяли, а Галина все отстреливалась, не подпуская гитлеровцев к раненым подругам. Когда же немцы подошли совсем близко, Галя Селетова предпочла смерть плену и издевательствам — последнюю пулю она выпустила в себя.

Как не вспомнить санинструктора медицинского пункта тяжелого танкового полка комсомолку Розу Ахтямову! Она мечтала быть учительницей, обучать детей в своей родной Башкирии — война изменила ее планы, она стала спасительницей наших солдат и офицеров. Не думая о себе, она проникала в горящие танки, выносила из огня раненых. Только во Львове она спасла от смерти 19 раненых бойцов.

Ей под стать и доброволец из Челябинска, санинструктор батальона Тоня Зубкова (ныне бухгалтер Челябинского радиозавода Антонина Филипповна Кожевина). Ее храбрость была отмечена двумя орденами.

Вспоминая о подвигах наших сестренок, хотелось бы еще назвать Анну Дульцеву, погибшую под Орлом, отважных санитарных инструкторов Женю Безгодову, Таню Тюлякову, Машу Галкину, Валю Кузнецову, Лиду Карпишевич, Шуру Рычкову; санитарку и снайпера Марию Гайко; радисток-разведчиц Надю Кириллову и Раю Бабенко; неутомимых тружениц походной типографии Клаву Брызгалову, Милю Замараеву и Лену Бялкову, набравших газету «Доброволец» с первого до последнего номера.

Взаимодействуя, побеждали

ВАСИЛИЙ ЗЫЛЬ

В 1923 году Василий Константинович Зыль добровольно ушел в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны с первых ее дней. В мае 1944 года назначен командиром 299-го гвардейского минометного полка Уральского танкового корпуса, находился на этой должности до конца войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года Василию Константиновичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I и II степеней и семью медалями.

Еще не утих бой во Львове, а 62-я Пермская танковая бригада уже устремилась на юго-запад, к Карпатам. С бригадой в составе передового отряда корпуса действовали наш минометный полк и дивизион «катюш».

Преодолевая сопротивление противника, отряд подошел к городу Самбору. Головная походная застава завязала бой. Дивизион Лапчука развернулся в боевой порядок и открыл огонь. Разведка боем показала, что оборона противника крепка.

— Придется пробиваться вот здесь! — показал комбриг полковник Денисов на местности.

Пятиминутный огневой налет минометного полка, залп дивизиона «катюш» по выявленной группе целей — и батальон автоматчиков бросился в атаку. Вместе с ротой танков сбили первую линию противотанковой обороны противника и овладели северо-восточной окраиной Самбора. Расширяя брешь, бригада и приданные ей части вступили в город Лапчук и командиры батарей его дивизиона продвигались вместе с ротами автоматчиков. Минометчики подавляли огневые точки, уничтожали живую силу врага и прокладывали путь нашей пехоте и танкам.

Захвачены пленные. Установлено, что Самбор обороняют части 17-й пехотной дивизии противника. У них есть шестиствольные минометы, противотанковая артиллерия, подразделения фаустников, самоходные орудия. По всему видно, что противник намерен упорно оборонять Самбор.

На наш командный пункт прибыл командир корпуса генерал Белов. Он сообщил, что главные силы корпуса, обойдя Самбор слева, идут на Дрогобыч. Приказывает выделить один дивизион полка в помощь 29-й мотострелковой бригаде.

Выделяю второй дивизион Коробова. С ним идет мой заместитель Сергей Иванович Бутырин.

Командир батареи Розенблум доложил, что танки батальона майора Нифонтова, преодолевая сопротивление противника, медленно продвигаются к центру города. Батарея меняет огневую позицию. Розенблум просит прислать мин. Приказываю немедля доставить их на батарею.

За ночь центр города был очищен от противника, а к исходу следующего дня Самбор был полностью освобожден.

В конце августа 1944 года минометный полк, переправившись

через реку Сан, вел бой в районе города Санок. Еще не все части корпуса форсировали реку, а 4-я танковая армия получила приказ командующего 1-м Украинским фронтом: вывести части из боя, совершить трехсоткилометровый марш, переправиться через реку Вислу в районе Баранув и выйти на Сандомирский плацдарм.

Уральский корпус прибыл на Сандомирский плацдарм, чтобы сменить находившиеся здесь части.

В первых числах сентября поступил приказ: ночью передислоцироваться в новый район. 61-й Свердловской бригаде полковника Жукова с противотанковым артиллерийским полком полковника Шульженко и 299-м минометным полком быть готовыми к отражению атаки противника, а затем, перейдя в наступление, овладеть Богорией.

Перед рассветом заговорила артиллерия противника километрах в трех-четыре правее нашего участка. Вскоре послышался гул авиационных моторов. Следуют взрывы. Появились танки, бронетранспортеры, на ходу ведут огонь. Разведчик Иванов, наблюдая в стереотрубу, докладывает:

— Пятнадцать танков, из них «тигров» пять. На танках десант. За первым эшелоном следует второй. Много пехоты. Вся эта масса стремительно движется на наш участок, шириной по фронту около километра.

Вся местность в этой полосе поливается огнем из танковых и малокалиберных автоматических пушек, пулеметов и автоматов десантников.

Подпустив противника поближе к первой траншее, заговорила наша противотанковая артиллерия. Она вела огонь прямой наводкой.

По моей команде огонь открыл весь минометный полк. Из траншей на противника обрушился шквал пулеметного и автоматного огня.

Как ветром сдуло десант с танков и бронемашин. Некоторые танки подбиты. Четыре загорелись. Пылают несколько бронемашин. Часть танков и бронемашин из второго эшелона сворачивает влево. Они идут в обход, чтобы ударить по нашему правому флангу. А это как раз на руку нашим артиллеристам: истребителям танков всего лучше стрелять по бортам.

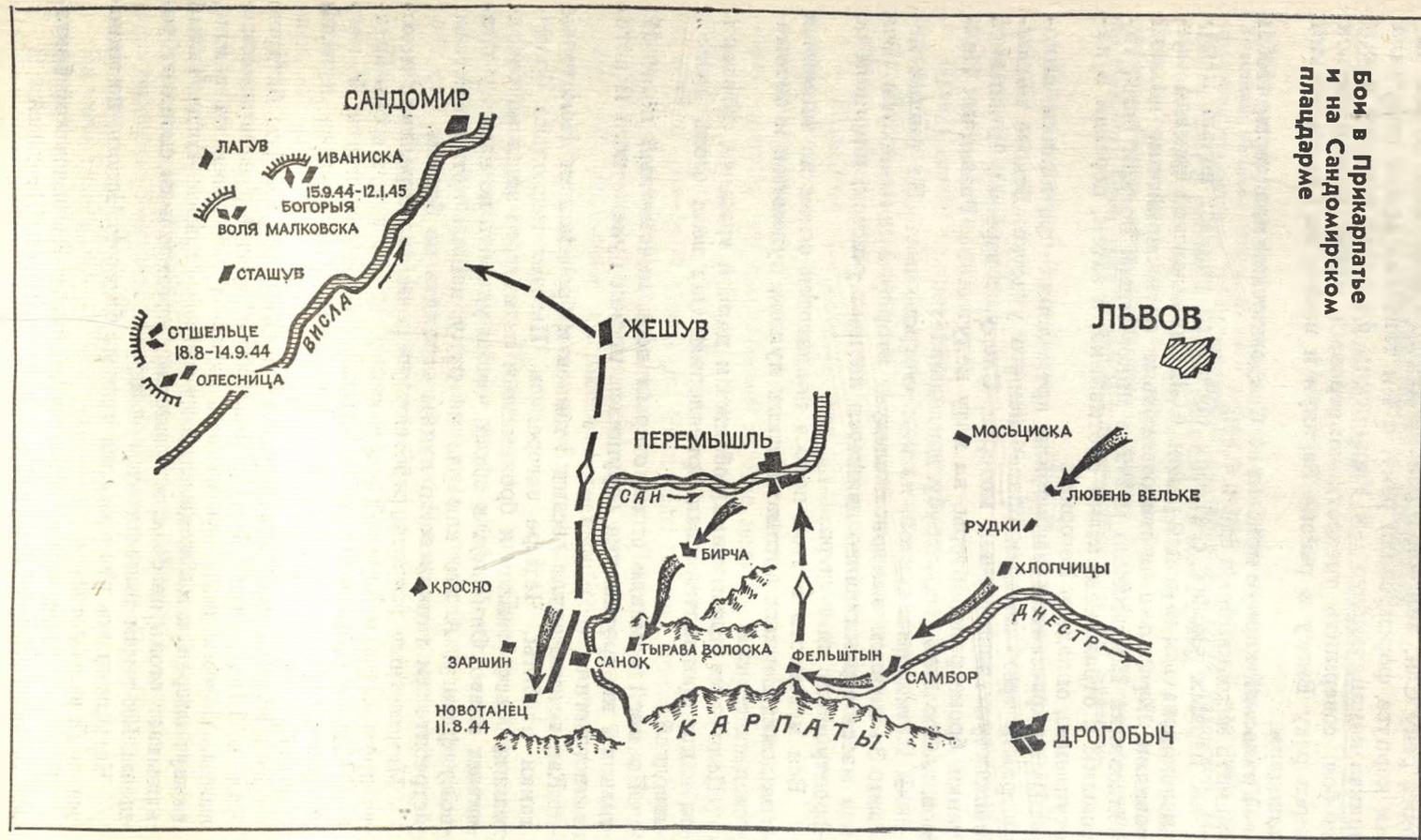
Минометные расчеты работают уверенно, расстреливая пехоту противника и поражая его технику. Метко ведут огонь батареи Чалого и Калашникова. Дивизион Лапчука справа. У него лучше укрыты огневые позиции и наблюдательные пункты батарей.

Два «тигра» с десантниками атаковали минометную батарею Чалого. Шквальный огонь минометов обрушился на вражеские танки. Автоматчики противника горохом сыплотся на землю, ползут вперед, к наблюдательному пункту батареи. Тогда Чалый вызывает огонь на себя, и вражеские автоматчики снова отброшены. Их танки тоже пятятся назад.

Четырнадцать раз бросался враг на батарею Чалого, но минометчики выстояли.

Вот тут и пошли в контратаку танкисты Свердловской бригады и, разгромив противника, с ходу овладели Богорией.

Бои в Прикарпатье
и на Сандомирском
плато

В середине сентября второй дивизион нашего полка оборонял подступы к населенному пункту Девятин. Наблюдательный пункт батареи Калашникова находился на одной из командных высот восточнее Девятина.

К вечеру противник, решив овладеть этой высотой, произвел огневой налет, а затем силами до батальона пехоты атаковал ее.

Искусно управляя огнем своей батареи, Калашников расстреливал атакующие группы гитлеровцев. А когда одна из рот противника вышла на высоту, отважный офицер вызвал огонь всего дивизиона по занимаемой его наблюдательным пунктом высоте, рискуя при этом жизнью. Противник откатился на исходные позиции, оставив на поле боя около двухсот убитых. За решительные действия лейтенант Калашников был награжден орденом Красного Знамени.

Казалось, что жестоким схваткам на плацдарме не будет конца. Но вот в последних числах сентября атаки противника ослабли и к началу октября прекратились. Силы противника иссякли настолько, что ему пришлось отказаться от попыток ликвидировать плацдарм.

Уверившись, что освобождение пришло навсегда, поляки приступили к озимому севу. Некоторые солдаты и сержанты, в прошлом хлеборобы, в свободное от занятий время помогали жителям обрабатывать землю, сеять озимую пшеницу, собирать картофель.

Дружная, отлично слаженная семья солдат, сержантов и офицеров 299-го минометного полка с честью выполнила наказ уральцев. Полк был награжден пятью боевыми орденами.

The first part of the report deals with the general situation of the country and the progress of the war. It is followed by a detailed account of the military operations in the various theatres of war. The author then discusses the political and economic conditions of the country and the effect of the war on the population. The report concludes with a summary of the main points and a list of references.

От Вислы до Одера

12 января 1945 года 1-й Украинский фронт пошел в новое наступление.

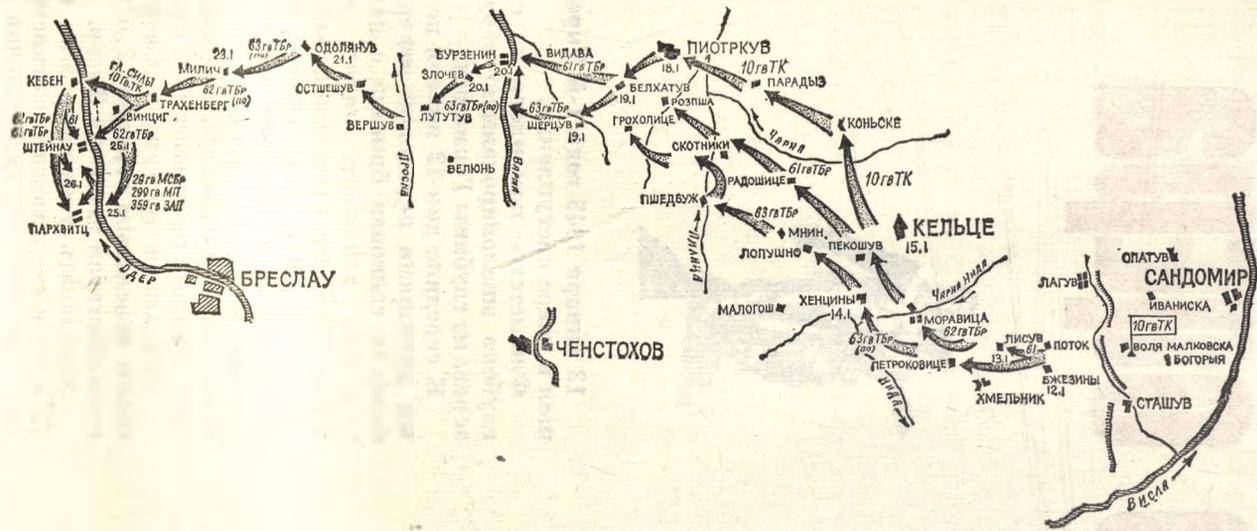
Фашистское командование создало за Вислой глубоко эшелонированную оборону, стянуло резервы из глубины Германии.

К середине дня 12 января вслед за стрелковыми дивизиями передовой отряд корпуса — Челябинская танковая бригада с двумя ротами 72-го тяжелого танкового полка, двумя батареями 1689-го легкого артиллерийского полка и саперной ротой 131-го отдельного саперного батальона, обгоняя боевые порядки пехоты, вошел в соприкосновение с противником. При содействии Свердловской бригады, следовавшей за передовым отрядом, противник был сломлен и отброшен.

Продолжая наступать, Свердловская бригада своим передовым отрядом, 2-м танковым батальоном, достигла местечка Лисув.

Двенадцать танковых атак отбили в течение 13 января свердловские танкисты. В этом бою погиб командир бригады гвардии полковник Николай Григорьевич Жуков.

Бои между
Вислой и Одером

Командование Свердловской бригадой принял начальник штаба бригады гвардии подполковник Василий Иванович Зайцев.

Несмотря на многочисленные контратаки противника, подбрасывавшего резервы из оперативной глубины, части корпуса продолжали продвигаться вперед. Днем 14 января танковый взвод младшего лейтенанта П. Цыганова, действовавший в головном дозоре челябинцев, форсировал реку Чарна Нида и ворвался в город Хенцины.

Пермская танковая бригада форсировала реку Чарна Нида в районе Моравицы и содействовала освобождению крупного польского города Кельце.

В приказе Верховного Главнокомандующего корпусу была объявлена благодарность. Пермская бригада получила наименование Келецкой.

Челябинская бригада к 18 января вышла в район города Белхатув, юго-западнее Пиотркува. В этот же день город был освобожден. Челябинской бригаде было присвоено наименование Петроковской.

Главные силы корпуса достигли рубежа Парадиз-Скотники и соединились с частями 1-го Белорусского фронта. Кольцо окружения кельце-радомской группировки противника замкнулось.

Свердловская бригада стремительным броском вышла к реке Варта в районе города Бурзенин и овладела им. Дерзкий захват минированного моста через реку Варту и овладение городом Бурзенином рассматривается ныне военными теоретиками как образец высокого тактического искусства и боевого мастерства советских танкистов при форсировании водных преград. В тот же день, 20 января, главные силы корпуса овладели городом Злочев.

Танковые бригады, сменяя друг друга, поочередно выдвигались в передовой отряд и обеспечивали высокий темп продвижения корпуса.

24 января передовой батальон Пермской бригады во главе с комбатом гвардии майором Шотиным вышел к реке Одер в районе города Штейнау (Сьдинава). В этот же день все части корпуса вышли к Одру.

За 13 дней корпус прошел свыше 500 километров, освободив на территории Польши около 300 городов и деревень, форсировал с боями реки Нида, Чарна Нида, Пилица, Варта.

Разве забудешь Лисув?

МИХАИЛ ПОБЕДИНСКИЙ

Миша Победа. Так звали уральцы-добровольцы командира взвода Свердловской танковой бригады Михаила Валентиновича Побединского. В дни Сталинградской битвы он отстаивал свой родной город на Волге. Был тяжело ранен, лечился в госпитале. Затем окончил танковое училище и стал командиром танка, а вскоре — командиром взвода разведки. На фронте молодой офицер был принят в ряды партии. Награжден тремя орденами и многими медалями. После тяжелого ранения в голову Михаил Валентинович перенес три сложнейшие операции. Но ничто не могло сломить мужества коммуниста Побединского. Он и сегодня в трудовом строю.

Тридцать пять лет минуло со дня великой Победы, а жестокий бой за польское местечко Лисув властно встает в моей памяти.

После того как 12 января 1945 года Свердловская бригада была введена в прорыв, мой взвод разведки шел в головной походной заставе. Ночью мы обнаружили двигавшуюся с запада к месту прорыва наших войск колонну фашистских танков. Свернув с шоссе в хуторок и насчитав более семидесяти «тигров» и «пантер», мы зажгли в оптических прицелах лампочки освещения шкалы для ночной стрельбы, установили прицелы на прямой выстрел. Но открывать огня не пришлось. Предупрежденный по радио, командир Свердловской танковой бригады гвардии полковник Николай Григорьевич Жуков (он находился в боевых порядках передового батальона) приказал пропустить немецкие танки.

На рассвете взвод на повышенных скоростях влетел в Лисув.

Головной танк миновал лощину, оставил позади себя белокаменный костел на холме и дома в центре города, когда я и заместитель командира батальона, гвардии старший лейтенант Владимир Марков (мы с ним сидели на лобовой броне), увидели колонну немецких автомашин с пушками на прицепах. На обочине дороги сидели и грелись у костров немецкие солдаты. Шум машин не вывел немцев из дремотного состояния. Они, наверно, подумали, что это отступают их танки.

Длинная очередь из автомата расшевелила немцев. Двое упали, остальные рассыпались по домам. По приказу Маркова я кинулся с группой автоматчиков выбивать вражеских солдат из укрытий. Тем временем головной танк, а также танки лейтенанта Федора Онищенко и младшего лейтенанта Маринина врезались в немецкую автоколонну на шоссе. Следом помчались машины взводов Владимира Торопчина и Александра Кузнецова. Автоколонна была полностью разгромлена. Уцелевшие немцы бежали.

Лисув оказался в наших руках.

Минут тридцать было тихо, а потом немцы открыли ураганный минометно-артиллерийский обстрел. Белым холодным пламенем, напоминающим электросварку, взметнулись взрывы. Начались пожары. Мы слышали пронзительный плач детей, испу-

ганные крики женщин. Вдруг раздался предостерегающий возглас:

— Внимание, немецкие танки!

«Тигры» и «пантеры», прошедшие ночью мимо нас на восток, спешно оттягивались к Лисуву, возможно, немцы вызвали свои танки после разгрома их тылов и штаба в Лисуве. Сперва появились на гребне холма «тигры» и, направив в нашу сторону длинные суставчатые стволы 88-миллиметровых пушек с «набалдашниками», как мы называли их дульные тормоза-пламягасители, неукложе поползли на нас, переваливаясь с боку на бок, как огромнейшие черепахи. Некоторые стреляли с коротких оставшихся.

Семнадцать «тигров» атаковали фланг, где находились машины моего взвода и танки Кузнецова, Абузгалиева и Лабуза.

Марков побежал доложить обстановку полковнику Жукову.

— От Лисува — ни шага! — приказал комбриг.

Возвращаясь к нам, Марков думал, как расставить шесть танков, чтобы нанести наибольший урон немцам, сохранить своих людей и машины. На кладбище, за каменной стеной костела, он поставил мои танки и танк Абузгалиева, а танки Кузнецова и Лабуза — на возвышенность.

Вслед за «тиграми» двигались бронетранспортеры с автоматчиками. Они прыгали с машин, рассыпаясь в цепи.

Марков приказал до последней возможности не обнаруживать себя. Если прорвутся автоматчики, командиры, механики, стрелки-радисты снимут танковые пулеметы и вместе с десантниками автоматным, пулеметным огнем и гранатами будут отбивать атаки пехоты. Стреляющие и заряжающие останутся в машинах.

— Бить в уязвимые места — по бортам, по кормам!

Два «тигра», спустившись с высоты, направились к противоположному от них холму, на вершине которого за горящим домом притаился танк младшего лейтенанта Лабуза. Сто метров осталось до переднего «тигра», когда Марков вскочил на броню «тридцатьчетверки» и крикнул в раскрытый люк стреляющему Анатолию Борзенкову:

— Самый раз! Подставил борт. Огонь!

Радист-стрелок Саша Вострецов вовремя сменил раненого заряжающего. Снаряд уже был подан. Коротко лязгнул клин затвора пушки.

Борзенков прицелился, нажал на спуск и сам не поверил глазам своим: он попал в ствол орудия, в дульный тормоз «тигра».

Спустя минуту я услышал в наушниках шлемофона ликующий голос лейтенанта Абузгалиева:

— Я — «бронза», я — «бронза». Я «тигра» сжег!

Между тем восемь «тигров» охватывали подковой машины моего взвода. Стреляющий Тихон Агафонов, известный танковый снайпер, прильнув к окуляру прицела, кричал, будто враг мог его услышать: «Ух, гад! Пальнул из своей дурилы... Ага! Не видишь меня, подставляешь бок — сейчас врежу!»

Снаряд Тихона попал в цель. «Тигр» дернулся, бессильно уронил ствол книзу, уткнув свой «набалдашник» в запорошенную снежком землю. Из-под башни взвилось сине-белое пламя.

Бронированные звери с черно-белыми крестами на лбах и

башнях не переставали ползти к нам. Как ни закален был в сражениях Тихон Агафонов, и тот нервничал в эти минуты. Я вижу потную шею, напряженную спину. Что же говорить о Володе Анфалове — безусом юнце, который в этот день впервые участвовал в танковом бою и только что еле спасся из танка своего командира Трофимова, подожженного вражеским снарядом. После того как Володя выскочил как шалый из огня с опаленным лицом и осмоленными волосами, с руками в волдырях, я попросил его заменить моего контуженного стреляющего, и он поступил согласно неписаному закону танкистов: мог пойти к санитарам, имел все основания, а пошел в мой экипаж и продолжал воевать...

Со звоном бьет наша пушка. Высовываюсь из люка башни. Стальная громада «тигра» вертится на одном месте — с правой его стороны, гремя, сползает на землю широкая гусеничная лента.

Оставив после первой атаки более десятка искалеченных и сожженных танков, гитлеровцы попятились, отплевываясь орудейным огнем. Немецкая пехота откатывалась на запад. На посеребренном снегу темнело множество убитых врагов.

Потери были и у нас. Болванка пробила башню танка младшего лейтенанта Маринина, убила его и тяжело ранила заряжающего. Прямым попаданием снаряда были убиты перебежавшие пустырь начальник связи батальона старший лейтенант Георгий Нерославский и исполняющий обязанности старшего адъютанта штаба батальона лейтенант Василий Чекиров.

Гибель двух моих близких друзей и тяжелое ранение боевого товарища, лейтенанта Володи Торопчина потрясли меня... Володя умер у меня на руках и мною похоронен.

Короткая, как вздох, передышка, и немцы возобновляют артиллерийский и минометный обстрел. На сей раз он гуще, пожары множатся по всему городку, и каленый воздух растапливает остатки снега.

Стою в своей башне, вижу восточную окраину, большой с выбитыми окнами дом, куда снесли наших раненых танкистов и автоматчиков. Над домом трепещет флаг с ярко-красным крестом посередине. И тут на моих глазах немецкая мина крупного калибра пробивает крышу, рвет все внутри. Белый флаг как будто взлетел, чтобы тут же рухнуть в огонь. И казался он мне в этот миг белым голубем, взметнувшимся в последний раз к небу, а красный крест на полотнище — кровавой раной на белом оперении.

— Внимание, танки! — опять кричат наблюдатели.

«Тигры» и «пантеры» движутся осторожно, медленно повода длинными стволами по сторонам, делая частые остановки и изрыгая из жерл пламя. За ними ползут бронетранспортеры, ведя огонь из крупнокалиберных пулеметов и малокалиберных пушек. Над нами — зеленые и желтые струи трассирующих пуль. Разрывные пули ударяются о заборы и стены домов с трескучим хлопком, и тогда мерещится, что кто-то, зайдя с тыла, обстреливает тебя с коротких дистанций.

Расстояние от немцев до нас — метров шестьсот, и оно немудрено быстро сокращается. Стреляющие будто оцепенели у

прицелов. Заряжающие с распаленными лицами едва успевают открывать затворы пушек, посылать в казенную часть стволов длинные и тяжелые латунные цилиндры снарядов. Лязгают клинья затворов. Стонут орудия. И опять — звон пустой гильзы в брезентовом гильзоуловителе. Едкий дым от собственных выстрелов, от пожаров, охвативших весь Лисув, заполняет танк, лезет нам в рот, в ноздри, вызывая кашель и удушье. Башенные вентиляторы надрывно жужжат, они не в состоянии очистить машины от газов и дыма. Закрыть бы люки... Нельзя! Если прервать наблюдение хотя бы на минуту, немецкие танки зайдут нам в тыл, и тогда...

Часто приходится менять позиции, отходить от горящих построек. Выхожу, показываю механику Жоре Уханову, куда лучше податься со двора, и вижу мчащуюся на меня «пантеру». Впрыгиваю в люк. Агафонов сидит на своем стульчике за прицелом, свесив руки и голову, — он угорел, его душит рвота.

Сталкиваю его со стульчика на днище башни, сажусь к прицелу, но едва устанавливаю перекрестие из двух смещающихся линий, как «пантера» проносится мимо. Поворачиваю башню влево. В прицеле вижу ныряющий, круто обрубленный зад «пантеры». Она мчится по могильным холмикам кладбища, сокрушая кресты, надгробия, ограды могил. Еще немного, и она скроется из поля зрения. В перекрестие попадает ее подпрыгивающий черно-белый крест. Нажимаю педаль ножного спуска, и «пантера», клюнув стволом в могильный холмик, окутывается дымом.

Тут же, как бы на смену «пантере», появляется «тигр». Он идет напролом, оторвавшись от следующих за ним машин.

Последним подкалиберным снарядом Саша Кузнецов метко поразил нахала.

Атаки... атаки... Мы потеряли им счет!

Во время одной из них фашистская болванка угодила в «тридцатьчетверку» комбрига, прямо в боекомплект. До нас донесся как будто сдвоенный взрыв. На глазах у гвардейцев погиб наш любимый командир полковник Жуков.

На правом фланге произошло замешательство среди танкистов другого батальона нашей бригады, у некоторых сдали нервы, и немцы получили возможность еще с одной стороны, на этот раз с тыла, наступать на группу Владимира Маркова. Все машины, которые у него остались, он собрал к кладбищу и сказал нам просто и честно:

— Возможно, живыми мы отсюда не выйдем — попросимся.

Он расцеловался со мной, с Кузнецовым, Абузгалиевым, с каждым из танкистов. Мы решили погибнуть, но не отдавать Лисув гитлеровцам.

И не отдали! Отбили двенадцать страшных танковых атак, поджигая «тигры» и «пантеры».

Вечерние сумерки напоздали на полуразрушенный городок, окутывая его, словно траурным крепом. В хмуром небе затеплились первые робкие звездочки. Неужто ночь? Неужто выстояли с предрассветного часа в этом аду?..

Пощатываясь, сходились в круг. На рубчатый автомобильный скат присел Володя Марков. Бледный, с запекшейся на лице

кровью, в порванном, прожженном в нескольких местах комбинезоне, он выглядел измотанным до предела, а глаза меж тем светились лаской к нам, гордостью за своих танкистов. А мы?.. Чешуйчатым налетом спеклись наши губы. Некоторые припадали к земле, сбрасывали грязь со снега, судорожно глотали его.

Огонь пожарищ сник. Слабый сырой ветерок пытался его оживить, и время от времени в гудах золы обнажались мерцающие глаза — угли.

Сидели тесной кучкой и молчали, оглушенные, отравленные пороховыми газами, измотанные. Одни жадно затягивались табачным дымом, другие, свесив головы, дремали.

Из ограды костела вышел сереброголовый ксендз Ян Банах. Он, оказалось, наблюдал из костела, как мы бились с рассвета дотемна с танками немцев. Он вошел в наш молчаливый круг, бережно обнял перевязанную окровавленную голову Толи Борзенкова и прошептал, как молитву:

— Вшистко видзев... вшистко...

Много видел на своем веку старый ксендз, но и предполагать не мог, что есть на свете такие люди, как советские танкисты.

А когда совсем стемнело, мы услышали гул дизелей, звонкий говор гусениц, увидели бесконечную вереницу фар, приближающихся к нам с востока. Это подошла танковая громада Уральского корпуса.

Ликующие, воспрянувшие духом, встречали мы друзей.

Освобождая Польшу

Главной задачей 1-го Украинского фронта в январском наступлении 1945 года было уничтожение кельце-радомской группировки фашистских войск. В выполнение этой задачи блестящий вклад внесли гвардейцы Пермской танковой бригады под командованием гвардии полковника Денисова. В боях у переправы через Чарна Нида и при взятии города Моравица пермские танкисты сражались бесстрашно и сломили упорное сопротивление гитлеровцев.

Богатырскую храбрость проявили здесь первые Герои Советского Союза в Пермской бригаде механик-водитель «тридцатьчетверки» гвардии старшина Николай Алексеевич Бредихин, бывший шахтер, доброволец; командир отделения бронетранспортеров взвода разведки гвардии старшина Иван Яковле-

вич Никонов, командир танкового взвода гвардии младший лейтенант Николай Александрович Козлов.

13 января отделение Ивана Никонова прорвалось к переправе через Чарна Нида и вело разведку боем до следующего дня. Противнику удалось окружить смельчаков. Никонов, забравшись с бойцами отделения в немецкий «тигр», отбивал яростные атаки до подхода бригады. Разведчики уничтожили в неравной схватке больше ста гитлеровцев.

Как только появились головные танки, «тридцатьчетверка», ведомая Николаем Бредихиным, первой влетела на переправу. По ней вели огонь «тигры», «пантеры», «фердинанды», но их снаряды не коснулись «тридцатьчетверки», которая маневрировала с невероятной быстротой. Она была неуязвима. У Чарна Нида ее экипаж вывел из строя пять «тигров» и «пантер», одну самоходку «фердинанд», два бронетранспортера и двадцать одну автомашину.

А взвод Николая Козлова! Против трех «тридцатьчетверок» пошли в контратаку около пятидесяти немецких танков и много пехоты. Казалось, не остановить такую силу! А наши уральские танки, наши добровольцы вышли победителями. Контратака была отражена. Взвод Козлова уничтожил семь танков, две самоходки, четыре бронетранспортера и до трехсот гитлеровцев.

На другом участке реку Чарна Нида форсировала Челябинская танковая бригада. Первым ворвался в город Хенцины 14 января взвод комсомольца гвардии младшего лейтенанта Петра Ивановича Цыганова, удостоенного звания Героя Советского Союза. Головной танк Цыганова бесстрашно пошел навстречу двум «королевским тиграм» и одного поджег. Но снаряд второго попал в танк Цыганова. Потушить начавшийся пожар не удалось, и экипаж, покинув машину, вступил в бой с вражеской пехотой по другую сторону баррикады. Отрезанные от своих танков, бойцы во главе с раненым Цыгановым выдержали невероятно тяжелую схватку, пока на выручку не поспел протаранивший дом танк гвардии младшего лейтенанта Бирюкова.

Коммунисты вперед

СЕРГЕЙ ДЕНИСОВ

Приняв Пермскую добровольческую танковую бригаду в Орловской операции, член КПСС с 1929 года гвардии полковник Сергей Александрович Денисов командовал ею до конца февраля 1945 года. Был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени, Кутузова II степени, двумя орденами Красной Звезды.

Под Каменец-Подольским, в районе местечка Езержаны, танкисты столкнулись с крупными силами противника. Имея численное превосходство, гитлеровцы перешли в контратаку и

оттеснили наши части к лесу. Мы заняли круговую оборону. Вечером собрали общебригадный митинг. Решили драться до последнего патрона.

Преклонив колени перед гвардейским знаменем и знаменем трудящихся Пермской области, танкисты повторили слова клятвы добровольцев.

Атаки гитлеровцев начались утром. Мы отразили одну, другую, третью, нанеся врагу большие потери. Но вот кончились у нас снаряды, и немцы бросились к лесу. Еще несколько минут, и они зацепятся за опушку, опрокинут нашу оборону. И тут бойцы увидели поднявшегося во весь рост с автоматом в руке помощника начальника политотдела бригады по комсомолу, любимца бойцов Льва Шатрова.

— Коммунисты, комсомольцы, за мной! — зазвенел его голос, и он побежал, не оглядываясь, уверенный, что за ним поднимутся автоматчики. И они поднялись, заставили врага отступить.

Двадцать атак предприняли гитлеровцы, стремясь пройти позиции бригады, закрывавшие спасительный для них коридор. И опять в опаснейший момент боя бесстрашие и находчивость проявил доброволец, бывший секретарь Пермского обкома комсомола, гвардии старший лейтенант Шатров. Он и гвардии капитан Агабеков захватили вражескую пушку и открыли из нее губительный огонь по атакующим. Танкисты воспользовались замешательством противника, смяли его на флангах и прорвали кольцо.

А последний бой Льва Васильевича Шатрова был на реке Чарна Нида.

Гитлеровцы отчаянно контратаковали, чтобы спасти от разгрома свою кельце-радомскую группировку. На глазах у Шатрова вражеским снарядом были убиты и ранены все бойцы одного артиллерийского расчета. Шатров встал у пушки. Когда у него кончились снаряды, он принялся корректировать стрельбу наших танкистов. И тут его поразил враг.

Мужественно, гордо умирали коммунисты, когда наступал их смертный час.

Будучи смертельно ранен в боях за Львов, не в силах произнести ни слова, заместитель командира нашей бригады старый коммунист и бывалый воин гвардии подполковник С. М. Куранов написал на клочке бумаги: «Перед лицом долга... Перед живой жизнью я презирал и презираю смерть... Прощай, Родина».

Там же, во Львовской операции, пал смертью храбрых командир батальона В. К. Колупаев. Ветераны корпуса никогда не забудут этих истинных героев.

И в последние месяцы войны правофланговыми были коммунисты и комсомольцы.

Нашей танковой бригаде было приказано захватить мост через Одер на шоссе Винциг — Штейнау. Мы не знали, заминирован ли мост, а овладеть им нужно было немедленно.

Эту задачу мы возложили на батальон гвардии майора Шотина. Он развернул свои танки, и головные машины вступили в бой за мост. Через смотровые приборы комбат плохо видел